

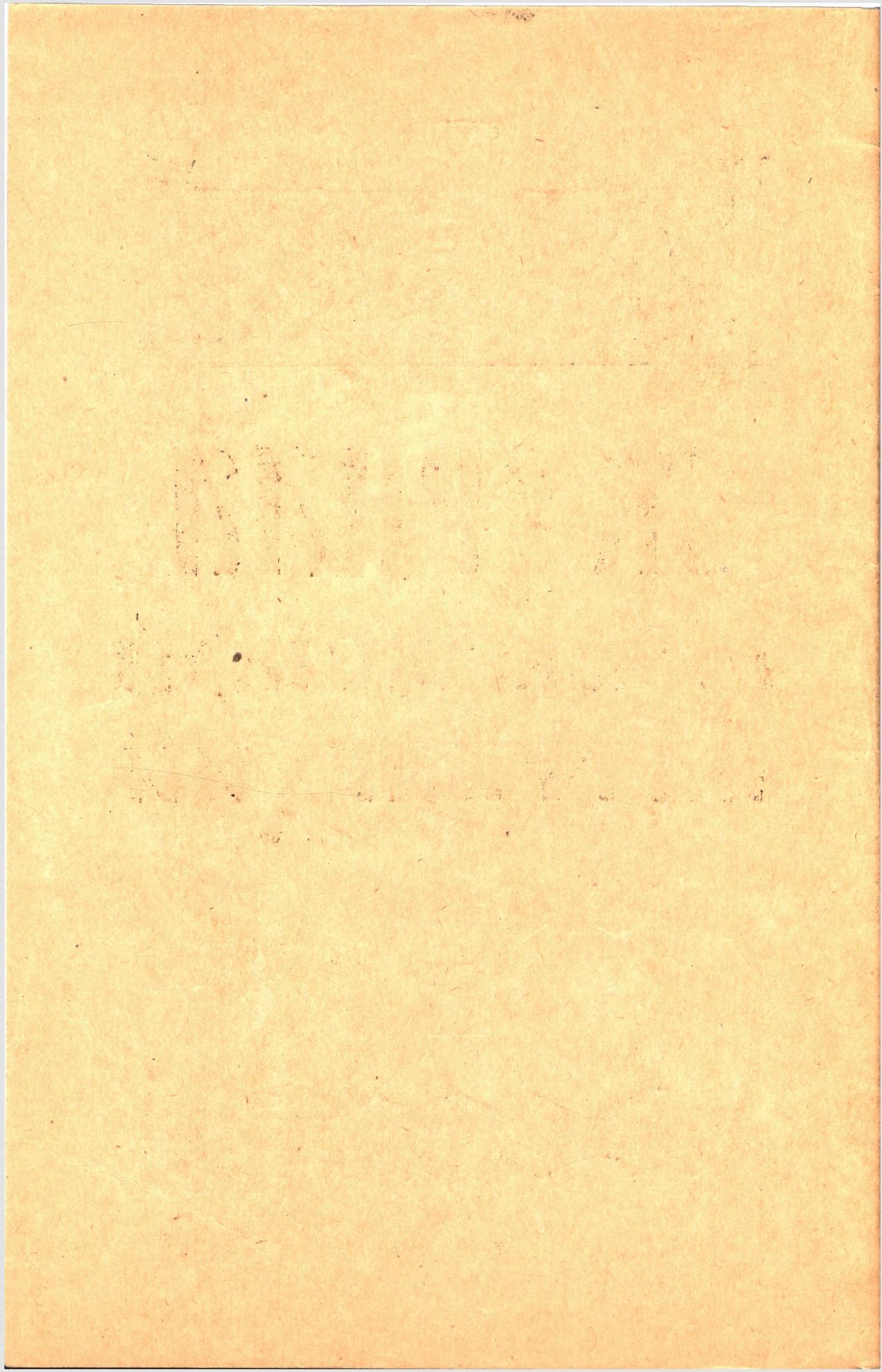


ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

II



1949



ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 11

НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Председателю Совета Министров СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину (телеграмма)	3
Черковная жизнь	
Назначения и перемещения архиереев	4
Прот. Михаил Зернов, На лаврском празднике 25/IX — 8/X	5
Свящ. А. Козловский. Поездка в Харбин	7
Из жизни духовных школ	
Начало учебного года в Ленинградских духовных школах	10
Ценное начинание	12
В защиту мира	
Распоряжение Московской Патриархии	13
А. Крашенинников. Оружие Церкви в защите мира	14
Обращение Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира	19
Речи и проповеди	
Митрополит Николай. Святые	22
Статьи	
И. Попов. Введение во храм Пресвятой Богородицы	26
Проф.-прот. В. Верюжский. О Церкви Христовой	31
В. Никонов. Русская Православная Церковь и Рим	37
Л. Парийский. О церковном пении	52

Издатель: Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к и. д. ответственного секретаря редакции
«Журнала Московской Патриархии» Л. Н. Парийскому —
Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (быв. Новодевичий монастырь)
Редакция «Журнала Московской Патриархии».

Москва Кремль

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

*Иосифу Виссарионовичу
СТАЛИНУ*

Встречая 32-ю годовщину нашего Советского Государства в условиях мирного созидательного труда, Русская Православная Церковь молится о помощи Божией всем миролюбивым народам в их борьбе за мир во всем мире и горячо приветствует Вас, Глубокочтимый Иосиф Виссарионович, вдохновляющего наши народы и все народы мира на эту борьбу, несущую мир и счастье людям.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ.

Церковная Жизнь

НАЗНАЧЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ

Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом принятые следующие постановления:

Освободить Преосвященного Ростовского Сергия от управления Ростовской епархией и иметь его в дальнейшем в виду для назначения в другую епархию, а в настоящее время, ввиду болезни епископа Житомирского Александра, поручить Преосвященному Сергию на время болезни Преосвященного Житомирского Александра временное управление Житомирской епархией, под непосредственным руководством Преосвященного Экзарха Украины.

На освободившуюся Ростовскую кафедру назначить Преосвященного Орловского и Брянского Николая.

Преосвященного Краснодарского и Кубанского Флавиана переместить епископом Орловским и Брянским.

Преосвященного архиепископа Казанского Гермогена переместить архиепископом Краснодарским и Кубанским.

Утвердить Преосвященного Никона, епископа Ворошиловоградского и Донецкого, временно управляющего Одесской епархией, епископом Херсонским и Одесским, с оставлением за ним управления Ворошиловоградской и Донецкой епархиями.

Переместить епископа Псковского и Порховского Иустина епископом Казанским и Чистопольским, а управление Псковской епархией поручить Митрополиту Ленинградскому Григорию.

Преосвященному архиепископу Филиппу именоваться Астраханским и Саратовским.

НА ЛАВРСКОМ ПРАЗДНИКЕ 25/IX—8/X

Троице-Сергиева Лавра неразрывно связана с Москвой. Молитвами и трудами своего Преподобного основателя она и при его жизни и после его блаженной кончины не раз участвовала в великих деяниях нашей Родины. Недаром московские иерархи приняли на себя подвиг настоятельства в Лавре. И теперь, с возобновлением патриаршества, святонархимандритом Лавры является Патриарх Московский и всея Руси. Это обстоятельство сообщает особую торжественность лаврским праздникам, которые, вместе с тем, являются и общемосковскими и даже общерусскими праздниками.

И в этом году, в день памяти Преподобного, 25 сентября (8 октября), с раннего утра к Лавре потянулись нескончаемые потоки людей. Многие пришли накануне, чтобы отстоять праздничную вечерню и всенощное бдение. Многие шли в Лавру под впечатлением молебна о мире всего мира, который совершился в прошедшее воскресенье во всех храмах Русской Православной Церкви. Горячие молитвы, принесенные в тот день Господу русскими верующими людьми, как бы ручьями стекались сегодня в самое сердце русского Православия, в Дом Святой Живоначальной Троицы, чтобы вновь вознести оттуда к небесному заступнику Руси, преподобному Сергию.

Уже перед входом в Лавру радостное чувство праздника и святости места охватывает душу. Вот святые ворота, встречающие каждого входящего живописными картинами священных событий. Они сразу же вводят в иной мир подвига и святости, созданный здесь Преподобным игуменом Лавры. Недаром в течение шести веков сюда устремлялась и продолжает устремляться вся верующая Русь. Эти священные пределы, открывающиеся за святыми воротами, были местом многих памятных событий из нашей истории. Некоторые из них на мгновения возникают перед глазами как живые: Дмитрий Донской, благославляемый Преподобным на ратный подвиг за освобождение Руси от захватчиков; его внук Василий Темный, ищущий убежища в этих стенах; Грозный Иоанн, здесь крещенный, затем молящийся по пути в Казань и после ее покорения; события Смутного времени, осада Лавры поляками; Петр I-й, скрывающийся от стрельцов, и далее — живые образы московских святителей над морем молящегося народа.

И до сего дня это море наполняет высокие берега Лавры. Вот из Успенского собора беспрерывным потоком выходит народ. Только что окончилась ранняя Литургия, совершенная Преосвященным Онисифором, епископом Калужским. По словам лаврского монаха, сегодня за ранней Литургией было столько народа, что приобщали в несколько чаш. Множество людей толпится и у древнего Троицкого собора, ожидая своей очереди, чтобы приложитьсь к мощам Преподобного. Многие спешат к святому источнику, другие наполняют Трапезную церковь в

ожидании поздней Литургии, которую будет совершать Святейший Патриарх Алексий.

В ожидании Первосвятителя Церкви Русской праздничное настроение в храме как бы сгущается, нарастает, и в его благоговейной торжественности оживает священная живопись огромного трапезного зала — особенно картина Страшного Суда. В беспредельности новой жизни, открывающейся за ним, теряется, исчезает вся человеческая история. Она, как мост над потоком времени, остается где-то позади, и уже трудно себе представить, что столетия тому назад вокруг этого самого места шумели непроходимые леса, выли дикие звери, и уныло пели свои холодные песни зимние выюги вокруг убогой хижины-кельи Преподобного Сергия, склонившегося в молитве за грешных людей...

Но вот наступил час поздней Литургии. Духовенство торжественно встретило Святейшего Патриарха. Затем его облачили посреди храма в святительские одежды, и начались часы... Литургию Святейший Патриарх совершил соборне. Ему сослужили: Преосвященный Алексий, архиепископ Куйбышевский и Сызранский, Преосвященный Никон, епископ Ворошиловоградский и Донецкий, Протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, Наместник Лавры архимандрит Иоанн, ректор Московских духовных школ протоиерей А. П. Смирнов, настоятель Антиохийского подворья в Москве архимандрит Василий и другие.

Два мужских хора — лаврский и семинарско-академический — чередовались в стройном и молитвенном исполнении литургических песнопений. Стоявшие в храме верующие усердно молились со своим Патриархом о преодолении невзгод временной жизни, о мире всего мира, о спасении людей, о добром ответе на Страшном Судище... В конце Литургии Святейший Патриарх Алексий обратился к молящимся со словом. Он рассказал о жизни Преподобного Сергия, о его личном подвиге, о подвиге каждого из людей и о его нравственном значении, которого не понимают подчас окружающие люди. Призывая к пониманию нравственной силы подвига, Святейший Патриарх говорил о необходимости благоговейного уважения тех, кто в своей жизни возвышался и возвышается до подвига, в частности, духовенства, труды которого часто не замечаются за внешними поступками отдельных лиц.

Спокойное и убедительное в своей простоте, ясное и доступное слово Святейшего Патриарха напомнило всем о пути святости и благочестия, на котором не может быть места осуждению ближних.

После молебна Преподобному все духовенство и гости отправились к монастырской трапезе, во время которой со вниманием слушали житие Преподобного Сергия. Трапеза окончилась чином возношения Панагии.

Так прошел лаврский праздник, возбудив в душе не только огонек священных воспоминаний, но и благое намерение подражать тому пути жизни, о котором пели в тропаре Преподобному Сергию и слушали в слове Святейшего Патриарха.

Протоиерей Михаил Зернов

ПОЕЗДКА В ХАРБИН

В июне текущего года Святейший Патриарх Алексий благословил Преосвященного Нестора, епископа Курского, посетить отдаленный Харбин в сопровождении священника о. Анатолия Козловского. Начало этому далекому путешествию было положено молебном, который совершил сам Святейший Патриарх у раки Преподобного Сергия в Троицкн день после Литургии.

Получив благословение Преподобного Сергия и Его Святейшества, путешественники 15 июня отправились самолетом в длинный путь, оказавшийся во времени весьма коротким. Этапы быстрого полета отмечались краткими остановками в Свердловске, Новосибирске, Иркутске. В последнем пункте путешественников встретил предупрежденный телеграфом из Москвы Преосвященный Палладий, у которого они провели ночь, успев отслужить накануне литию на могиле Преосвященного Иоанна.

В Читу делегация прибыла 17 июня и поездом отправилась к пограничной станции Отпор, откуда на следующий день на автомобиле переехала границу в направлении к ст. Манчжурия. Там московских гостей встретил под звон колоколов настоятель манчжурского прихода архимандрит Иосиф с членами приходского совета. После взаимных приветствий путешественники поездом направились к цели своего путешествия — в Харбин, куда и прибыли на следующий день.

На вокзале посланцев Патриарха Московского встретил Преосвященный Никандр, епископ Цицикарский, с многочисленным духовенством и верующими. Но основная масса верующих ожидала гостей в Николаевском соборе, куда все и направились для совершения благодарственного молебна. После теплого и радостного приветствия Преосвященного Никандра епископ Нестор передал верующим и всему духовенству благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, которое было воспринято всеми со слезами благодарности.

На другой день, 21 июня, в помещении экзархата, расположенного в т. н. «Доме милосердия», состоялась встреча гостей с харбинским духовенством. В Скорбященском храме «Дома милосердия» епископ Нестор отслужил молебен в сослужении настоятеля храма архимандрита Вениамина, а после осмотра иконописной мастерской, типографии, приюта и канцелярии экзархата познакомился с харбинским духовенством. Тут же, во время беседы, условились, что 24 июня епископ Нестор сделает доклад собранию харбинского клира о Православной Церкви в Советском Союзе и о московских торжествах по поводу 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви.

Затем последовало посещение лицея св. Александра Невского. Руководителем этого учебного заведения, с программой 10-летней средней школы и с интернатом, оказался кандидат Киевской Духовной Академии

мии Н. Д. Вишневский, который, судя по всему, добился серьезной постановки учебно-воспитательного дела. Учащиеся, среди которых есть и китайцы, произвели на гостей самое благоприятное впечатление своим благонравием, успехами в науках и любовью к церковному пению.

На следующий день, 22 июня, московская патриаршая делегация посетила два кладбищенских храма и отслужила там панихиду на могилах воинов, участников русско-японской и второй Отечественной войны. В этот же день нанесли визит председателю Общества советских граждан в Харбине д-ру Львову.

Есть в Харбине и женский монастырь, куда гости отправились 23 июня. Отслужив в монастырском храме молебен, Преосвященный Нестор обошел все монастырские кельи и благословил их насельниц во главе с игуменией Ириной, а также верующих, собравшихся к молебну.

Следующий день, 24 июня, был посвящен приему харбинского духовенства в помещении экзархата. На этом приеме епископ Нестор сделал доклад о «Положении Русской Православной Церкви», утвержденном Поместным Собором 1945 года, и рассказал о московских торжествах по поводу 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Харбинское духовенство проявило большой интерес к церковной жизни в Советском Союзе и долго беседовало с посланцами Московской Патриархии. В заключение этого дня гости посетили мужской монастырь и отслужили в его Казанской церкви молебен в сослужении настоятеля монастыря архимандрита Иннокентия и монастырского клира.

Всенощное бдение под 26 июня (Неделя всех русских святых) Преосвященные Нестор и Никандр совершили в Благовещенском миссионерском храме. Передавая им благословение Святейшего Патриарха Алексия, Преосвященный Нестор призвал их хранить святую православную веру и распространять ее. Он говорил о задачах Миссии, возглавляемой протоиереем Даниилом Хэ, подчеркивал необходимость борьбы с пережитками язычества в сознании и быту новокрещенных китайцев. После всенощной была отслужена лития на могиле Митрополита Мелетия, погребенного в этом храме.

На другой день за Литургией Преосвященный Нестор сказал верующим слово о благолепии их храма, только что отремонтированного, о значении наших забот о храме и о том, как благоукрашаются в России церковные святыни: Троице-Сергиева Лавра, Богоявленский Патриарший собор в Москве, Владимирский собор в Киеве и многие другие храмы. Каждое слово Владыки об этих великих русских святынях верующие харбинцы воспринимали с особым вниманием и радостью, ибо и они принесли и сохранили на чужбине живой дух этих святынь, нашедший свое выражение в воспроизведении русской церковной архитектуры, живописи, искусной резьбы деревянных иконостасов, икон хорошего письма, художественных облачений и особенно прекрасного, строго церковного хорового пения. Во всем этом видна не только хорошая традиция, но и органическая связь с родной русской культурой и духовной жизнью верующего народа.

Во вторник, 28 июня, гости отслужили вечерню и после нее молебен в Алексеевской церкви Модягоу, где настоятельствует протоиерей Симеон Новосельцев. Здесь отслужен молебен о здравии Святейшего Патриарха Алексия и сказано слово Преосвященным Нестором о торжественных молебствах перед ракой Святителя Алексия в Богоявленском Патриаршем соборе накануне тезоименитства Святейшего Патриарха в этом году и во время прошлогодних юбилейных торжеств, когда у раки Святителя молились Предстоятели и Представители Православных Автокефальных Церквей.

Остальные дни своего пребывания в Харбине гости почти ежедневно участвовали в богослужениях и посетили за это время все храмы города

и его предместий. Особо следует отметить 3 июля, когда после Литургии в Скорбященской церкви состоялся молебен и выпускной акт в лицее св. Александра Невского. Накануне отъезда, 14 июля, Преосвященный Никандр, вместе со всем городским духовенством, совершил в кафедральном соборе молебен о благополучном возвращении делегации на Родину, в Москву. В своем прощальном слове Преосвященный Нестор поблагодарил харбинцев за гостеприимство и сказал, что расскажет Святейшему Патриарху о сыновних чувствах харбинской паствы и о той любви, какую питают они к своей далекой Родине, к ее церковным святыням. От чувств, переполнивших сердца, многие харбинцы плакали. В течение нескольких часов Преосвященный Нестор благословлял молящихся, пришедших проститься с посланцами Церкви из родной земли.

Рано утром следующего дня Преосвященный Нестор вместе с Владыкой Никандром отправились в Иверскую часовню помолиться перед иконой Святителя Николая о благополучном путешествии. После этого все отправились на вокзал, где собралось много клириков и мирян, чтобы проводить дорогих гостей, выразить чувства любви к Матери-Родине и передать благодарность Святейшему Патриарху за приезд делегации. Прощание было теплым и волнующим. Вслед поезду долго неслись прощальные приветствия.

До границы делегацию провожал протодиакон о. Симеон Коростылев. Православное население на каждой станции выходило к поезду вместе со священниками и церковными хорами, чтобы приветствовать уезжающих гостей и поднести им по русскому обычаю хлеб-соль.

На другой день поезд прибыл на ст. Манчжурия, где делегацию снова встретил архимандрит Иосиф. А там опять поездом — до Читы и воздушным путем — в Москву.

Свящ. А. Козловский

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА В ЛЕНИНГРАДСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

Свой 4-й учебный год Ленинградские Духовные Академия и Семинария начали 1 сентября 1949 г. торжественным молебном, отслуженным в академическом храме Преосвященным Симеоном, епископом Лужским — ректором Академии и Семинарии, в сослужении с многочисленными священниками и диаконами из состава профессуры и учащихся этих духовных школ.

Началу учебного года предшествовала большая подготовительная работа, начавшаяся задолго до окончания предыдущего года. Сюда, в первую очередь, должны быть отнесены строительно-восстановительные работы в самом академическом здании. В этом году было закончено капитальное восстановление разрушенного авиабомбой крыла здания и внутренняя отделка всех помещений. Школы получили 9 новых больших помещений для спален общежития, аудиторий, библиотеки и т. д. Еще лучше и краше стал академический храм. С ремонтом надворного флигеля Академия получила возможность обеспечить квартирами большую часть своих профессоров.

Значительная подготовка была проведена и в части снабжения духовных школ улучшенным инвентарем.

Большие перемены произошли в профессорско-преподавательском составе. Было приглашено 4 новых доцента, что дало возможность нормализовать загрузку лекциями прежний профессорский состав.

В 1949/1950 учебном году в Ленинградских духовных школах впервые будут происходить занятия во всех классах и курсах Академии и Семинарии, Семинария должна будет дать свой 3-й выпуск, а для Академии наступивший учебный год будет годом, когда она выпустит из своих стен первых кандидатов богословия.

И в этом году, как и в предыдущие, в Академию и в Семинарию было подано к поступлению много прошений. В I-й класс Семинарии пришлось устроить конкурсный экзамен. На I-й курс Академии было принято 15 человек студентов, получивших среднее духовное образование в Ленинградской и других духовных семинариях. Хорошая подготовленность такого состава позволит повысить уровень лекций и предъявлять студентам самые серьезные научные требования.

При Ленинградской Духовной Академии, как известно, существует институт экстерната, которым пользуются ряд священников, обслуживающих ближайшие приходы, но желающих получить высшее духовное образование. Многие экстерны, несмотря на более сложные для них условия занятий, не отстают от студентов-стационаров, и в начавшемся учебном году Академия надеется среди окончивших иметь нескольких и из этой категории студентов.

В 1948/1949 учебном году впервые функционировало при Академии и Семинарии Заочное отделение высшего и среднего образования для священнослужителей. Этот первый учебный год Заочного отделения многому научил и администрацию и профессоров духовных школ, много

дал опыта и учащим и учащимся и показал безусловную жизненность нового начинания. К началу нынешнего учебного года эта жизненность заочного обучения проявила себя и в живом интересе к возможностям совершенствовать свои знания среди духовенства самых разнообразных и часто отдаленных епархий. Достаточно сказать, что число учащихся в среднем отделении удвоилось, а в высшем утроилось.

В воскресенье, 9 октября, ленинградские духовные школы в торжественной обстановке отпраздновали день памяти св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова—престольный праздник своего храма и свой годовой праздник. За Божественной Литургией в академической церкви Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий в этот день, по сложившейся традиции, посвятил в стихарь воспитанников выпускного класса Семинарии, а одного из них рукоположил во диаконы. По окончании праздничного молебна Архипастырь обратился с пречувствованным словом к учащимся Академии и Семинарии, призывая их в своей жизни следовать примеру и заветам св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, под чьим покровительством они находятся здесь, в духовных школах, и в чьем храме ежедневно возносят свои молитвы.

После общего стола, в котором, вместе с учащими и учащимися, приняли участие Митрополит и многочисленные гости из числа Ленинградского духовенства, в актовом зале состоялся торжественный традиционный годовой акт.

Годовой отчет за истекший учебный год доложил собранию инспектор Академии и Семинарии проф.-протоиерей А. Осипов.

Актовую речь на тему «К истории обряда святого огня, совершающегося в Великую Субботу в Иерусалиме» прочитал проф. Академии Н. Д. Успенский. Академический хор исполнил канту. Митрополит в кратком слове поблагодарил администрацию и профессуру Академии и Семинарии за плодотворные труды в минувшем учебном году и призвал учащих и учащихся к дальнейшим совместным усилиям на пользу духовного просвещения и Святой Русской Православной Церкви.

От лица всех собравшихся были отправлены приветственные телеграммы Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию и Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров Союза ССР Г. Г. Карпову.

Акт закончился исполнением государственного гимна.

Проф.-прот. А. Осипов

ЦЕННОЕ НАЧИНАНИЕ

В начале текущего учебного года в Хозяйственное Управление Московской Патриархии поступило крупное пожертвование в сумме 10.000 руб. на учреждение стипендий в Московской Духовной Академии. Эта сумма была прислана священником Молотовской епархии о. Григорием Шастиным, ревность которого о подготовке новых пастырей Церкви Христовой может быть поставлена, таким образом, в пример нашему православному духовенству.

Получив извещение о пожертвовании, Совет Академии, в соответствии с пожеланием жертвователя, постановил употребить пожертвованную сумму на стипендию студенту II курса Академии Прокофьеву Григорию с таким расчетом, чтобы ему хватило этих денег до окончания академического курса. Назначая стипендию, Совет Академии выразил уверенность в том, что доброхотный вклад о. Григория Шастина будет оправдан успехами и добрым поведением стипендиата.

Приветствуя такое отрадное проявление заботы о нуждах нашего духовного просвещения, Московская Духовная Академия не сомневается в том, что пример о. Григория Шастина найдет в среде духовенства многих подражателей. Их жертвы претворятся в духовные плоды пастырского делания, а имена войдут не только в нашу церковную летопись, но и будут храниться в молитвенной памяти тех, кто воспользуется ими для получения благодатного права пасти стадо Христово.

В ЗАЩИТУ МИРА

РАСПОРЯЖЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Перед Международным днем борьбы за мир (2 октября) Московской Патриархией было сделано следующее предписание всем епархиальным Преосвященным: «По распоряжению Его Святейшества и от его имени предлагается Вашему Преосвященству 2 октября н/ст. сего года, в Международный день борьбы за мир, в храмах Вашей епархии после литургии совершить молебства «о мире всего мира». Молебства надлежит предварять соответствующими поучениями и прочтением нарочитого «Послания Святейшего Патриарха Алексия».

**Член Священного Синода Николай,
Митрополит Крутицкий и Коломенский**

ОРУЖИЕ ЦЕРКВИ В ЗАЩИТЕ МИРА

В наши дни, когда во имя жизни и общего блага народы земли ведут суровую борьбу за упрочение международного мира, когда к этому великому и святому делу присоединяются все люди доброй воли, без различия политических и религиозных убеждений,— христиане всех стран и народов должны находиться в самых первых рядах борцов за мир, радуясь возможности взаимно пережить чувство духовного родства и положить хотя бы начало преодолению разномыслий в области веры. Бесспорным основанием к тому является единство Христова учения, обязывающее всех христиан идти в земной жизни путем евангельского единомыслия, которое в общечеловеческих делах должно быть выше вероисповедных перегородок, не достигающих, конечно, до неба.

Явить это единомыслие человечеству именно в защите мира — значит исповедать веру во Христа и соблюсти Его заповедь о любви к Богу и ближнему. Это же самое исповедание и любовь должны возбудить движение к истинной церковности, от которой одни из христиан были удалены властолюбием своих духовных руководителей, а другие — болезненным индивидуализмом личных мнений. Но в созидании мира между народами и те и другие могли бы вновь пережить всю силу единения в любви и осознать себя членами Тела Христова. Всякое иное отношение христиан к вопросу о мире будет неизбежно отдалять их и от истины и от мира.

Призываая верующих во Христа возлюбить друг друга, «да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа», истинная Церковь Христова молитвами и таинствами, словом и делом приобщает людей к спасению, в то время как зло производит обратную работу, обнаруживая себя разделением людей, враждой, всякого рода грехами, болезнями, смертью. Со всеми видами зла Церковь и ведет постоянную борьбу, обращая против каждого из них соответствующее духовное оружие.

Борется она и с войной, непрестанно молясь утром и вечером и в литургийный час «о мире всего мира», «о соединении всех», и стремится к тому, чтобы единение в Боге стало всеобщим достоянием верующих людей. В этом смысле Церковь постоянно противостоит всем человеческим разделениям своим идеальным единством, непрерывно созидаемым по образцу единения Трех Ипостасей, Единосущной и Нераздельной Троицы.

Но к единству, в смысле союза и согласия народов, стремится и человечество, поднявшее в настоящее время стяг борьбы против поджигателей новой войны. Масштабы движения за мир вполне соответствуют его нравственной высоте, и Русская Православная Церковь, по прямому своему долгу, подняла свой голос в защиту мира, призывая всех христиан к тому же подвигу. Тем самым наша Церковь благословляет и благие начинания народов в области благоустройства более справедли-

вой и лучшей жизни, предлагая верующим принимать активное участие в общей работе, ибо «для христианина, которому предносится вечно живой идеал Царства Божия, не может быть другого отношения к обществу, как то, чтобы всеми силами своей духовно-телесной природы содействовать благоустройству его»¹.

Совершенно ясно, что эта конкретная жизненная задача не может разрешаться для христианина иначе, как на путях исполнения Евангелия, в духе любви к Богу и ближнему. Так именно жили в этом мире все христианские святые, не вступавшие ни в какие компромиссы с неправдами жизни и не допускавшие никакой урезки христианского идеала. Достигнув Царства Божия, святые оказались впереди нас, как путеводные огни, в свете которых и мы должны совершать свой жизненный подвиг.

«Среди бесконечного спектра путей к Богу, раскрытоего в различных житиях, мы можем найти свой путь, получить помощь и указание, как из дебрей нашей человеческой запутанной греховности выйти на путь к свету», пишет один духовный писатель. При этом мы должны будем убедиться, что все святые совершали свои подвиги по обстоятельствам и нуждам своего времени. Можно сказать, что в смысле христианского ответа на духовные запросы своего времени святые люди были самыми современными людьми.

В этой «современности» подвига святых нельзя не видеть одного из важнейших условий его Богоугодности и, следовательно, святости. Поэтому Церковь указывает и нам такую норму христианского поведения, которая оказывается тесно связанной с насущными задачами переживаемой эпохи, с нуждами окружающих нас живых людей — наших близких.

Главная задача нашего времени у всех на устах — это мир во всем мире, устранение опасности новой войны, новых смертей и разрушений. Эта цель, все более и более овладевающая умами и волей людей, влечет нас к новым горизонтам жизни, влечет неудержимо, с необходимостью исторического закона и всем управляющего Промысла, и все мы захвачены могучим потоком событий, текущим к исполнению времен и к осуществлению лучших чаяний человеческого рода. Поэтому христиане должны помогать истории и, постигая в ее событиях план Божественного Домостроительства, исполнять предназначения воли Божией, каждый на своей борозде, каждый на своем деле.

К этому подвигу и призвал свою великую российскую паству Святейший Патриарх Алексий в Послании от 2 октября с. г., в международный день борьбы за мир. Свидетельствуя о непреклонной воле народов хранить мир между собою, Послание указывает на движение враждебных сил, противодействующих устремлениям мирных стран и особенно нашей страны, возглавляющей борьбу народов за мир. Но по адресу врагов мира — сначала из Парижа, а затем из Москвы — раздался мощный голос грозного предостережения, которого нельзя заглушить, и можно не сомневаться, что «проповедники войны рано или поздно, по слову Божию, «как трава, скоро будут подкошены и, как зеленоющий злак, увянут» (Псал. 36, 2). Однако веру нашу в торжество правды сопровождает тяжкое сознание того, «что в наш век есть на земле люди, не стыдящиеся, по побуждениям корысти и человеконенавистничества, вовлекать народы в безумную бойню и в пролитие крови во имя несбыточных мечтаний о покорении всего мира»².

Не удивляясь стремлениям гордых господствовать над «наследием Божиим», мы не можем пройти мимо той идеологии, которой претенден-

¹ С. Горский, Общественная жизнь по воззрениям мужей апостольских.

² Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия, «Ж. М. П.» № 10 за 1949 г.

ты на мировое господство вынуждены прикрывать свою безумную претензию. Эта идеология возникает из беспокойства о том, что с умножением народонаселения ресурсы земли могут оказаться для него недостаточными. По этому поводу Рассел Смит в сборнике «Новые пределы мира» пишет: «Факты, касающиеся народонаселения..., повидимому, вполне ясно указывают на то, что если когда-либо ощущалась необходимость в крестовом походе за самосохранение, то особенно она чувствуется сейчас. Необходимо предпринять кампанию за установление контроля над рождаемостью среди народов Азии, а также и в других странах». Редактор «Попюлейшн бюллетен» Гай Ирвинг Барч уточняет масштабы «потребного сокращения населения», указывая: «Теоретически правильная цифра численности населения земного шара, вероятно, даже ниже 750 миллионов человек. Эта цифра значительно расходится с нынешним населением в 2.250 миллионов человек». — «Если,— пишет журнал «Уорлд Афферс», — мы не можем найти какого-либо пути для того, чтобы во-время остановить увеличение населения, то мы будем вынуждены вести агрессивную войну»³.

Так в омраченных умах врагов мира возникает философия войны вместе с оправданием насильственного удаления с арены жизни «излишков человечества» и, конечно, тех «излишков», которые хотят жить и быть хозяевами своего труда вопреки злой воле поджигателей войны, стремящихся, в сущности, к господству над всеми народами. Такая философия уничтожения глубоко враждебна духу Церкви Христовой, как «провозвестницы мира, заповеданного Христом Спасителем», и она «со скорбью взирает на противохристианские замыслы людей, называющих себя христианами и, однако, дышащих злобой против тех, кто согласно Христовым заветам отстаивает дело мира» (из Послания Святейшего Патриарха).

Что можно сказать о духовном облике людей, умышляющих зло против мира? Повидимому, они совсем отошли от основ истинного христианства и пользуются его отдельными лозунгами лишь ради сокрытия своих подлинных антихристианских замыслов. И действительно, христианствующие руководители немирной политики Запада настолько исказили учение Христово в своих земных интересах, настолько урезали и приспособили его к своим греховным привычкам и вкусам, что, конечно, забыли о Церкви, как о новой жизни по Христу, и об ее решительном осуждении богатства, как главного препятствия к Царству Божию. Об этих людях, называющих себя христианами, но живущих по стихиям греха, можно сказать словами св. Иустина из его Апологии: «Если же найдутся такие, которые не так живут, как учил Христос, те, да будет известно, — не христиане, хотя и произносят языком учение Христово».

С этим заключением св. Иустина мы, православные, и подходим к поджигателям войны, хотя бы они и называли себя христианами. В их политике, отстаивающей социальное неравенство и проповедующей войну, мы склонны видеть одно из проявлений сатанинского противодействия делу Христа на земле и нравственной идее братства, движущей современным освободительным движением народов. Поэтому наша Церковь и ополчается так решительно на врагов мира своим могучим духовным оружием, о котором говорится в Послании Святейшего Патриарха Алексия.

«Каким же наиболее действенным образом, — спрашивает он, — можем мы, церковные люди, участвовать в нынешнем международном дне мира?.... Не свойственным ли нашей вере и нашему упнованию обра-

³ Из доклада Н. С. Тихонова на Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве.

зом молитвы к Богу. «творящему мир?» (Исаии, 45, 7). И далее пишет: «От лица Святой Церкви я призываю всех верных чад Ея усугубить молитвы свои к Спасителю мира о даровании мира всему миру и прошу каждого отдать все силы на дело борьбы за мир, на дело упрочения ющей безопасности путем самоотверженной работы каждого в своей области труда во благо Родины, на дело сохранения мира».

Молитва и труд — вот оружие, которое Церковь воздвигает в защиту мира. Нет необходимости говорить о силе личной и особенно общественной молитвы, ибо о плодах ее непрерывно свидетельствует наш церковно-христианский опыт. Из него мы постигаем не догматическое понятие о молитве, а ее реальное значение, которое состоит в переживаемой нами связи с Богом. Это значение свидетельствует как о реальности благодати, притекающей к нам от Бога, так и о действии сной на человека и события. Достаточно вспомнить молитву Моисея во время битвы с амаликитянами, чтобы найти немало подобных же примеров и в более поздние времена, и в нашей церковной истории. Преподобный Сергий, издалека переживающий все перипетии Мамаева побоища, в сущности, повторяет Моисея. Многие другие великие события в нашем прошлом — далеком и близком — возникали и переживались также в атмосфере общецерковного молитвенного напряжения.

Поэтому Святейший Патриарх, призывая православных чад своих к усиленной молитве о мире, воздвигает в его защиту могущественное духовное оружие. Его действие ясно видно уже в свободном объединении верующих людей, стоящих ли в храмах или молящихся в своих жилищах, но постоянно пребывающих в одном духе, в одном прошении, в одной надежде. Уже одно это духовное единение составляет мощный источник нравственных сил, столь нужных как в дни испытаний, так и в периоды созидающего труда.

Для православного сознания молитва составляет поистине «связь и язык всех времен и миров». Вдохновенные псалмы Давида, жившего более чем за тысячу лет до Рождества Христова, являются одной из важнейших молитвенных основ нашей Церкви. Молитвы египетского пустынника преподобного Макария уже более полутора тысяч лет каждое утро и вечер повторяют неисчислимое множество христиан. Наше древнее церковное пение, как и древняя икона, представляются современному религиозному сознанию настоящим откровением молитвенного духа, зажженного в лицах святых гениальными мастерами жижи, которые были, конечно, и мастерами молитвы. Тем же языком говорит и архитектура наших православных храмов, особенно древних...

Не может быть сомнения и в том, что у молящихся — огромное преимущество надежды и уверенности в получении просимого, ибо Сам Господь говорит: «Просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толците, и отверзется вам» (Лук. 11, 9). Но молитва сильна не только нашим желанием, а уверенностью в том, что наше желание согласно с волей Божией. Поэтому, вручая всю жизнь спасительному Промышлению Отца Небесного — «Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле», — мы делаем из своей воли наилучшее употребление. В этом случае весь мир превращается в область Божию, в которой верные Богу будут всегда победителями и первыми наследниками Царства Божия, т. е. праведности, мира и радости о Духе Святом.

Как возношение ума и сердца нашего к Богу, молитва приводит в движение все благочестивые чувства и расположения человека. «Она есть дыхание духа, — говорит Феофан Затворник, — ...как в дыхании расширяются легкие и тем привлекают животворные стихии воздуха, так и в молитве разверзаются глубины нашего сердца и дух возносится к Богу, чтобы приобщением к Нему воспринять соответственный дар. И как там кислород, принятый в дыхание через кровь, расходится

потом по всему телу и оживляет его, так и здесь принятное от Бога входит во внутренняя наша и оживотворяет там все»... Не ясно ли теперь, что молитва не только оздоровляет дух человека, но и низводит в него новые силы от Источника Жизни, которые умудряют ум, очищают чувства и укрепляют волю в исполнении всякой правды. По слову одного мыслителя, в молитве «мы действуем в Боге, и Бог действует в нас», поэтому действие это превосходит всякое противодействие зла.

Невозможно, конечно, ни исчерпать глубину молитвы, ни измерить ее силу. Можно только сказать, что в жизни христианина молитва является самым первым и самым трудным делом и началом всякого дела, всякого труда. Начинать дело с молитвой — значит начинать его с верой, надеждой и любовью, а с такими предпосылками оно становится уже делом Божиим. В нем человек не только исполняет заповедь — «В поте лица своего снеси хлеб твой», но и делает угодное Богу, молится Ему трудом и в меру последнего получает плод. Так между трудом и молитвой возникает внутренняя связь.

Но не одними материальными результатами вознаграждается человеческий труд. Как исполнение закона, данного Богом, труд для человека является «необходимым условием его телесного, нравственного и умственного совершенствования, его человеческого достоинства, его свободы, и, наконец, его наслаждений и его счастья»⁴. Эти нравственные свойства человек получает от сознания необходимости труда «для достижения той или другой истинно человеческой цели в жизни»⁵, получает при том условии, когда труд для него делается, как в нашей стране, делом чести, делом доблести и геройства.

Совершенно ясно, что та высота, на которую возведен труд в нашей стране, определяется его высокими целями. Эти цели — благо народа и всего человечества — сообщают труду высокую плодотворность, а трудящимся — нравственное достоинство и удовлетворение. По тем же мотивам наша Церковь призывает православных христиан трудиться добросовестно и честно — каждому на своем посту, каждому на своей борозде. Церковь наша, как пишет в своем Послании Святейший Патриарх, благословляет и освящает труд во благо Родины и во имя сохранения мира. В свете этих высоких целей труд каждого православного человека приобретает особый нравственный смысл и возводится на высоту жизненного подвига. Являясь свидетельством истинной веры, этот подвиг, как и молитва, составляет необходимое условие спасения души.

Так говорит наша Православная Церковь. Так возвышает и освящает она повседневный труд верующих православных людей и, неустанно молясь о даровании мира всему миру, борется за мир в человеческих душах, за мир на земле и за процветание нашей земной Отчизны.

А. Крашенинников

⁴ К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении.

⁵ Там же.

ОБРАЩЕНИЕ ПОСТОЯННОГО КОМИТЕТА ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА

Рим, 1 ноября (ТАСС). Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира принято обращение, которое гласит:

6 месяцев прошло с тех пор, как представители 72 стран заключили в Париже договор сторонников мира. За этот краткий период произошли события мирового исторического значения. Эти события раскрыли перед миллионами людей угрозу, нависшую над всем человечеством по вине сил войны, и доказали в то же время, что силы мира растут и сплачиваются и что они способны помешать поджигателям войны развязать новую войну.

Сторонники мира в Китае, недавно еще гонимые и преследуемые, руководят сегодня демократической республикой — государством, опирающимся на поддержку 500 миллионов мужчин и женщин, ставших в первые ряды защитников мира. Создание Германской демократической республики в самом центре Европы вселяет во все народы этого континента надежду на то, что усилия, направляемые раньше на дело войны и разрушения, могут быть направлены теперь на мирное творчество.

Во всех частях мира, где царит угнетение, основы колониального империализма — эта постоянная угроза миру — расщатываются борьбой народов за свое освобождение, что является новым вкладом в наше дело. В странах, подчиненных плану Маршалла и Атлантическому пакту, и в самой Америке под воздействием кризиса, все более обостряющегося вследствие непроизводительных расходов на подготовку войны, поколебана политика, рассчитанная на развязывание новых конфликтов. Во Франции, Италии и в других странах миллионы людей, борющихся против нищеты и войны, объединились в мощное движение сторонников мира, которое препятствует планам поджигателей войны. День 2 октября показал успехи объединенных сил мира и прочность уже установленных международных связей.

Наконец, неоднократная инициатива Советского Союза, направленная на укрепление мира, возрождающая надежды на международное соглашение и неизменно утверждающая возможность мирного сосуществования между различными формами социального строя, вносит существенный вклад в дело сторонников мира. Оно укрепляется также в результате мирного восстановления стран народной демократии.

Перед лицом окрепшего фронта силы войны ускоряют свои приготовления и все более раскрывают свои планы мирового господства, которые уже сейчас сводят на нет национальную и экономическую независимость народов и могут привести к войне. Атомная монополия перестала существовать, даже если она когда-либо существовала. Чтобы обмануть народы и добиться от правительства подписания Атлантического пакта, признание того, что эта монополия не существует, было

сделано только после заключения этого пакта. Теперь силы войны вместо того, чтобы вступить в необходимые переговоры, пытаются найти в исчезновении этой мнимой монополии новый повод для того, чтобы вовлечь мир в гонку вооружений. Они пытаются еще раз ввести в заблуждение общественное мнение, уверяя, что гонка вооружений будто бы позволит им обеспечить за собой решающее военное превосходство.

Таким образом, они хотят сочетать ускоренное развитие атомного оружия с осуществлением гигантского плана вооружения и увеличения численности армии. Эта политика, стремящаяся возместить за счет вооружения и войны сокращение прибылей крупных капиталистов, толкает правительства, покорные политике Атлантического пакта, к тому, чтобы задавить свои народы бременем растущих изо дня в день военных расходов.

Валютные махинации, продиктованные этой политикой,— сокращение кредитов, отпускаемых на общественные нужды, ограничение потребления, нищета, являющаяся следствием этих безрассудных военных расходов,— в свою очередь становятся одним из основных факторов экономического кризиса. Для оправдания этих тяжких расходов и для достижения своих целей империалистические державы и их агентура стремятся разуть военный психоз и создать условия для так называемой превентивной войны.

На все предложения, могущие восстановить доверие между народами, откуда бы эти предложения ни исходили, силы войны ответили молчанием или отказом от их обсуждения. Под прикрытием марионеточного сепаратного правительства в Западной Германии они проводят политику восстановления агрессивных военных и промышленных сил. Столы же грубо такая же политика проводится и в Японии. Вдобавок сторонники превентивной войны используют сегодня позицию Югославии как средство диверсии и как дипломатическую и военную базу предполагаемой агрессии. Своим общим поведением и в частности переговорами с фашистским афинским правительством, которые нанесли удар демократическим силам Греции, и выдвижением в диверсионных целях своей кандидатуры в Совет Безопасности ООН нынешнее югославское правительство также выступает как угроза миру. Однако сотни миллионов сторонников мира во всем мире располагают достаточными силами для того, чтобы расстроить планы поджигателей войны. Заслушав доклады представителей различных национальных движений, Постоянный комитет констатировал возрастающую мощь организованного движения сторонников мира. Чтобы расширить размах наших действий и обеспечить успех, мы должны сосредоточить усилия на работе в таких странах, как США и Англия, которые являются ядром нового заговора, в Латинской Америке, в колониальных и зависимых странах и в странах, угнетенных фашистской диктатурой, где борьба сторонников мира протекает в трудных и нередко в трагических условиях. Повсюду стоит задача расширения национальных движений, дабы приобщить к нашей борьбе те миллионы честных граждан, в сознании которых пробудилась надежда на единство сил мира, единство, которому не могут помешать никакие различия, будь то политические, религиозные или социальные.

Силы войны должны знать, что родилась сила, способная сорвать их планы и принудить правительства, которые еще подчиняются воле поджигателей войны, соблюдать мир, что родилась сила, способная распространить повсюду идею мира, обсуждение вопросов мира и борьбу за мир.

Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира обращается к представительным органам всех стран мира. Он предлагает

им обсудить мирные предложения, выражающие чаяния всех народов. Комитет предлагает им погребовать от своих правительств поддержки этих предложений в духе верности принципам устава ООН и положить эти предложения в основу национальной политики.

Эти предложения должны включать:

- 1) Обязательство немедленно начать прямые переговоры под международным контролем для прекращения идущих войн, в частности в Греции, Вьетнаме, Индонезии и в Малайе.
- 2) Немедленное сокращение вооружений и численности армий; немедленное объявление атомного вооружения стоящим вне закона и подлежащим уничтожению.
- 3) Подписание великими державами Пакта мира в рамках Объединенных Наций.

Эти два первых шага и это первое соглашение будут доказательством подлинного стремления к миру. Они помогут восстановить доверие между народами и создать мирную обстановку,ющую обеспечить Пакт мира. Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира уточнит свои предложения в обращении ко всем представительным органам: парламентам, областным и местным органам самоуправления. Это предложение будет внесено на обсуждение и утверждение миролюбивых народов путем проведения массовой кампании подачи петиций, посыпки делегаций и выявления общественного мнения.

Постоянный Комитет Всемирного конгресса сторонников мира знает, что народы теперь обладают достаточными средствами для того, чтобы заставить уважать мир.

«Известия», № 260, 3 ноября 1949 г.

речи, проповеди

СВЯТЫЕ

Слово, сказанное в Преображенской церкви г. Москвы

Завтра, дорогие мои, вся наша Русская Православная Церковь с благоговением будет чествовать своего великого подвижника, преподобного игумена земли Российской и богоносного отца Сергия. Многие из православных русских людей преклонят колена в святой Лавре перед гробницей цельбоносных мощей угодника Божия.

Вы знаете, что уже истекло пять с половиной веков с тех пор, как окончился земной подвиг преподобного Сергия. Но слава его, какой сияет священное и драгоценное для каждого православного христианина имя великого Сергия, не меркнет и не померкнет никогда. «Праведники живут во веки» (Прем. Солом. 5, 15).

Преподобный Сергий воплотил в себе евангельские добродетели и показал нам их в своем лице во всей их красоте. Он был носителем крепкой, никогда не колебавшейся, не знавшей сомнений веры в Бога, в Святую Единосущную Троицу, в Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. С этой верой он пришел в Радонежский лес и с этой верой прошел весь свой земной путь. Он был сосудом горячей любви к людям. Преподобный Сергий был и остается примером величайшего терпения в лишениях, скорбях и борьбе с невидимым врагом нашего спасения. Он олицетворял в своем лице истинное христианское смиление. Все мы, православные люди, знаем пленяющие своей духовной красотой примеры его смиления и кротости. Он был великим в своей горячей любви к родному народу, к родной стране, пламенным патриотом своего отечества. И мы веруем, что преподобный Сергий своими молитвами, своей неумирающей любовью, своим небесным покровом является для всех нас, для нашей страны, для нашей родной Русской Церкви воистину нашим небесным игуменом, родным отцом, который за нас приносит перед Престолом Божиим свои горячие молитвы и ниспосыляет каждой воззывающей пред ним грешной православной душе свое, отеческой любовью овеянное, благословение.

Как мы с вами, дорогие, счастливы, что у нас, на нашем земном пути, есть такие мощные заступники, такие горячие молитвенники, такие любвеобильные небесные покровители, к которым мы можем прибегать во всех обстоятельствах жизни! Мы веруем, что ни одна наша молитва не может быть не услышанной теми, кто предстоит у Престола Божия и имеет от Господа за свою праведную жизнь дерзновение приносить к ногам Христовым наши грешные молитвы.

Мы счастливы не только тем, что святые Божии угодники — это наши молитвенники и заступники перед лицом нашего общего Небесного Отца, но и тем, что святые праведники — это наши старшие родные братья; счастливы тем, что находимся с нашими святыми в самом

тесном живом общении. Воистину, это наше родство, наше общение со святыми праведниками является для каждого из нас источником радости и утешения на земном нашем пути.

Есть семьи, в которых братья и сестры взаимно связаны горячей любовью друг ко другу, и в этой взаимной братской любви каждый член такой хорошей семьи находит для себя нравственную поддержку во всех обстоятельствах своей жизни. В радости он делит эту радость со своими близкими, любимыми и любящими его братьями и сестрами. В своем горе он разделяет его с теми, кто ему посочувствует, кто вместе поплачет, кто ему близок, кто его любит. Тем больше это надо сказать о той великой семье Божиих детей, которую составляют все, когда-либо жившие верой в Господа своего и теперь живущие на земле чада Православной Христовой Церкви. Все мы: и живые, и отошедшие ко Господу, и они, пребывающие у Престола Божия, являемся одной семьей. Святые праведники, святые Божии люди — это наши братья, с которыми мы пребываем в беспрерывном единении, если остаемся верными детьми Небесного Отца и своей Матери — Святой Православной Церкви.

Я напомню вам слова св. Апостола Павла из послания его к Ефесянам. Св. Апостол говорит: «Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и своим Богу» (Еф. 2, 19). Апостол основал в Ефесе Церковь. В эту Церковь вошли и бывшие язычники, принявшие христианство, и бывшие иудеи, которые из иудейства перешли в христианство. Христиане из язычников носили в своем сердце некоторое смущение и скорбь. Им казалось, что они менее достойны любви Божией и имеют меньшее право на наследование Царства Небесного, ибо они вступили в Церковь из язычества, а иудеи приняли христианство, уже веря в Единого Бога. И вот св. Апостол Павел, утешая их в их огорчении и разъясняя им, написал эти слова: «Вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и своим Богу». Апостол сказал этими словами, что крестные страдания Христовы разрушили стену между всеми детьми Церкви Христовой и святыми, что омывшая Крест Христов Божественная Кровь делает всех верующих в Господа Спасителя чад Святой Церкви своими, близкими и Господу, и Его святым угодникам и равными перед лицом Небесного Отца. Апостол Павел сказал это не только Ефесским христианам, но через них и всем нам. Все дети Православной Церкви одинаково переживают сладость в общении со святыми угодниками.

Неужели это так? Неужели мы — родные святым Божиим людям? Неужели они — апостолы, пророки, мученики, преподобные отцы и матери — признают, когда мы своей бессмертной душой войдем в вечную жизнь, в лице нас своих братьев, своих сродников, своих сограждан в Царстве Небесном, в Доме нашего Небесного Отца? Да, мы — родные, мы — свои святым угодникам. Так учит нас Святая Церковь, так завещает нам веровать Апостол Павел. Мы с ними — дети одного и того же Небесного Отца. Мы напоены тою же благодатию Святого Духа в таинстве крещения, какая снисходила в этом таинстве на св. Николая Мирликийского, преподобного Сергия. В святом таинстве миропомазания мы запечатлены тою же печатью Святого Духа, какую имел на себе и преподобный Серафим. Мы приобщаемся того же Тела и той же животворящей Крови Христовых, какими приобщались святые угодники, и это причащение наше в особой, высшей степени свидетельствует о том, что мы — члены одного и того же Тела Христова, главой Которого является наш Господь Иисус Христос. Это Святое Таинство делает по преимуществу всех нас братьями во Христе, родными и близкими, и все мы — и сограждане святым, и свои Богу, как учит нас Первоверховный Апостол.

Как много дает нашему верующему духу это общение со святыми! Какое в этом общении свидетельство правильности нашего пути ко спасению, какая крепкая, твердая надежда на вечное спасение! Ведь если мы веруем тою верою, какою жили святые угодники, значит, мы идем верным путем в Царствие Божие. Если мы исполняем уставы, священные обряды, посты, праздники, как это делали святые; если мы посещаем для молитвы тот же святой храм, в каком молились угодники Божии, — значит, мы идем путем надежным в жизнь вечную. Если мы принадлежим к той же Святой Церкви, в которой священнодействовали, проповедывали угодники Божии, в которой жизни свои отдавали за Господа святые мученики, в которой подвизались преподобные отцы, значит, мы — дети Царства Божия, и путь наш в жизнь будущего века тот же, каким шли святые. Если православная вера, какую исповедовали они, привела их к вечной славе, то она приведет к вечной славе, к вечной жизни со Христом и каждого из нас, каждого, кто живет этой же крепкой, не знающей сомнений, верой. Если благодать Святого Духа, какой питались святые угодники, укрепляла их духовные силы на подвиги жизни по заповедям Христовым, то она и нас не покинет на таком же пути. Если Святая Церковь была для них путеводительницей в Царство Небесное, помогла им остаться верными Господу до смерти, то и нас Святая Церковь, к которой мы принадлежим, — подобно матери, ведущей за руку свое дитя, введет в Царство Небесное и сделает наследниками жизни вечной в Доме Небесного Отца.

Надо всегда помнить, дорогие мои, и другое. Для того, чтобы это общение наше со святыми людьми никогда не прерывалось и не ослабевало, чтобы оно перешло в будущую жизнь, чтобы мы, как и они сейчас, вступили в вечное общение со Сладчайшим Господом, — надо не только исповедовать ту же православную веру, какую имели святые, и быть членами одной с ними Святой Церкви, но надо подражать им в мыслях, поступках, в их ревности об исполнении заповедей Божиих, в их твердости и верности Господу и Его Божественному слову, в их трудах в деле спасения своей души. Наш христианский долг подражать им в тех священных добродетелях, которые, вместе с их пламенной верой и благодатной помощью Святого Духа, привели их в Царство вечной славы.

Нас не признает своими братьями великий ветхозаветный праведник Авраам, если мы не будем стараться подражать силе его веры. Какая была вера у праведного Авраама! Она не поколебалась, когда Господь ему повелел идти в незнакомую страну, оставив родную землю. Господь направлял его в будущую Святую Землю — Палестину. Авраам оставил свое родное место и пошел, потому что веровал в слово Божие. Даже тогда, когда Господь для испытания его веры повелел ему поднять руку с ножом на сына своего Исаака, чтобы принести его в жертву, Авраам, послушный голосу Божию, направился к горе, чтобы там принести эту жертву. Такова была не знавшая колебаний или сомнений вера у праведного Авраама.

Не считут нас своими чадами и святые Апостолы Христовы, если мы, зная о том, как они отдали свои жизни во имя спасения людей, во имя своей пламенной любви к людям, которых они своей горячей проповедью желали уберечь от вечной погибели, — не будем подражать им в нашей любви друг ко другу, и не будет истинного христианского братолюбия в нашем сердце.

Нас не назовут своими согражданами в Небесном Отечестве святые мученики, принявшие мученическую кончину за Христа, если мы в своей жизни земной, подражая им хотя в малом, в том, что по силам каждому из нас, не проявим терпения в своих скорбях, болезнях и лишениях.

Не увидят в лице нас своих сродников преподобные отцы, преподобные матери, если мы не боремся со своими страстями, пороками, плыем по волнам наших страстей, попускаем греху владеть нашим сердцем, не страшимся вечной своей гибели и не спешим грешное, грязное сердце омывать слезами покаяния. Следуя примеру мучеников, преподобных, апостолов, надо быть милосердными, братолюбивыми, негневливыми, терпеливыми в скорбях, благодушными в бедствиях.

Надо и нам уметь нести свой крест, какой каждому из нас посыает Господь. Посмотрите на святых. Какой добродетели они не показали в своей жизни, и какой скорби они не испытали?! Каких подвигов любви они не оставили нам в вечное назидание, и какого бедствия не пережили они в своей земной жизни?

В священной книге, называемой «Откровение Иоанна Богослова», Апостол Христов повествует о том видении, какое представилось его взорам. Он видит Престол Господень, на котором восседает Господь, окруженный множеством людей в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках. Один из старцев, стоявших около Престола Божия, спрашивает у Апостола: «Сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?» И он сам отвечает на свой вопрос: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать. И отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр. 7, 9—17). Святые умели не ослабевать в своей любви к Богу среди самых тяжелых бедствий и скорбей. И получили свою награду.

Если мы придем в жизнь вечную без добрых дел, без жизненного подвига, без терпения и смирения среди житейских бед, только со своими нераскаянными грехами, могут ли нас назвать своими братьями святые? Они скажут нам там: «Разве мы не были такими же людьми, как и вы, с теми же болезнями, скорбями, немощами? Разве благодать Божия вас не укрепляла так же, как укрепляла нас в дни нашей земной жизни? Разве Господь, обещавший быть всегда вместе со Своими верными чадами, не пребывал всегда и с вами? Разве вы не имели дерзновения так же, как это делали и мы, звать себе на помощь простертые к вам руки Божии?». И горе нам, вечное горе, если мы в ответ на любовь Отеческую, на великое долготерпение, с которым Господь терпит наши грехи и не наказывает тотчас же тем наказанием, которое мы должны понести, — не будем жить жизнью, достойной детей Небесного Отца. Горе нам, если не будем стремиться своими помыслами, своим сердцем к вечному Царству Небесному, если не потрудимся над своим грешным сердцем, над тем, чтобы оно не исказило в себе образа Божия от наших грехов и пороков, и не украсим его вечной красотой, подражая святым угодникам.

Завтра — день преподобного Сергия. Воздухните из глубины своей души преподобному и богоносному отцу нашему Сергию с молитвою о том, чтобы он ниспоспал благословение Божие, утоляющее наши скорби, смягчающее беды, осушающее слезы, исцеляющее болезни, а главное, укрепляющее нас на христианском пути.

Да не угасает наша молитва, не ослабевает наша вера, да светит всегда в наших сердцах пламя любви к нашему Спасителю и любви друг ко другу. Пусть не умирает в нас жажда спасти свою душу и не покидает нас страх перед своею вечною погибелью. Будем неуклонно идти через скорби, испытания и труды во имя спасения души в то Царство Славы, где все мы, земные члены святой семьи Христовой, объединимся с нашими старшими родными братьями, Божиими угодниками, в лоне любимого нашего Небесного Отца.

Митрополит Николай

Статьи

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

«Днесь благоволения Божия предобро-
жение...» (Тропарь праздника).

Попытаемся представить себе ту эпоху истории Иудеи, которая предшествовала появлению Господа Иисуса Христа. Еетхозаветный еврей, хотя и подавлен сугубым формализмом книжников и лицемерным благочестием фарисеев, однако напряженно ожидает появления Мессии. Разрушен храм Соломонов; закончился семидесятилетний горький плен «на реках Еавилонских» — события, весьма потрясшие народное сознание. Плач книжника Ездры над развалинами религии отцов и героическое восстановление великого города и храма заставили многих вспомнить обетования закона: «Аще забуду тебе, Иерусалиме...».

Созидается второй храм, храм Зоровавелев. Этот храм не так великолепен, как храм Соломонов: нет в нем кивота и процветшего жезла Ааронова, утрачены скрижали закона. Все те, кто помнили первый храм, не узнавали его в возобновленном: он был для них «якоже не сущъ» (Агг. 2, 4). Однако слава второго храма должна воссиять сильнее славы первого, ибо о втором храме сказано: «Внезапу приидет в Церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел Завета, Егоже вы хощете» (Малах. 3, 1).

Накапливались пророческие события: отошел властительный жезл от потомства Иуды, подходили к концу седьмины пророка Даниила; праведный Симеон томится в ожидании исполнения пророчества Ангела, обещавшего, что он, Симеон, не вкусит смерти, пока не увидит Христа.

Все дальнее и дальнее распространялись евреи по всей тогдашней вселенной, все разнообразней и многоязычней становилась толпа правоверных иудеев, стекавшихся на великий праздник со всех концов рассеяния во двор Иерусалимского храма.

«Светись, Иерусалим... над тобой воссияет Господь, и слава Его явится над тобою...

«Розведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут» (Исаии 60, 1—4).

Таким образом, и события и лица указывали на скорое пришествие Мессии.

В это время в скромном галилейском городке Назарете жила престарелая чета — Иоаким и Анна. Оба они достигли глубокой старости, но детей не имели. В Ветхом Завете бесчадие считалось наказанием Божиим за грехи и было весьма позорно в глазах людей. Много поношений в связи с этим пришлось вынести Иоакиму и Анне от окружающих. Они сами ясно чувствовали на себе кару Божию: Иоаким был из рода Давиdова, от которого должен произойти Мессия; будучи

праведными и чающими «утехи Израиля», супруги не могли не разделять вместе со многими того возбуждения о близком пришествии Мессии, которое охватило значительную часть иудейского общества. В связи с этим неплодство повергало благочестивую чету в еще большее горе, ибо они лишились великой чести — войти в родословную Мессии.

Предание нам говорит, что праведные старцы горячо молились о разрешении их неплодства. Они верили, что Бог силен и в их глубокой старости дать им дитя. В своих просьбах Иоаким и Анна обещали, что, если их желание будет исполнено, они посвятят своего ребенка Богу.

Усердные молитвы праведной четы «произрастили плод»: у них родилась дочь, которую они назвали Марией.

Только до трех лет воспитывалась отроковица в родительском доме. Предание не сохранило подробностей ее домашнего воспитания, но некоторые факты говорят сами за себя: когда Мария достигла трехлетнего возраста, родители приняли решение исполнить обещание, данное ими Богу относительно своей дочери.

Закон не требовал такого скорого выполнения обета и в столь раннем возрасте ребенка, да и родителям не легко было расставаться со своей дочерью, ставшей великим утешением в их глубокой старости. Однако надо полагать, воспитание в доме родителей заложило в душу юной Марии столько святого горения и любви к Богу, что она сама почувствовала неудержимое желание как можно скорее посвятить себя всецело Господу.

В Ветхом Завете подобный обет считался весьма тяжелым. В Священном Писании по этому поводу мы читаем о дочери Иеффая: Иеффай «совершил над нею (дочерью) обет свой, который дал, и она не познала мужа. И вошло в обычай у Израиля, что ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Иеффая Галаадитянина, четыре дня в году» (Суд. 11, 39—40).

Девы, посвященные Богу, иногда жили при храме только до достижения совершеннолетия, иногда оставались там до конца жизни и давали обет безбрачия.

Перед престарелой четой возникла тяжелая перспектива: они вновь лишились потомства. Однако Иоаким и Анна не задумывались над своим новым горем. Видя в своей дочери неудержимое рвение ко Господу, праведные старцы побороли в себе голос родительской любви и прочие соображения и решили отдать свою малолетнюю дочь Господу.

Торжественно, со светильниками, в сопровождении сверстниц отроковицы, а также своих родственников, отправляются святые старцы в Иерусалим, чтобы принести свой чистый плод молитвы Господу.

Не в скорби сопровождают свою дочь праведные Богоотцы: духовная радость побеждает печаль, ибо они видят, что их дочь, их чистая голубица, стремится в храм Господень, как в свою отчизну.

«Веселится Иоаким — говорит св. Герман, Патриарх Константино-польский,— торжествует Анна... Еоззри, Господи, воззри, возьми Ту, Которую дал, приими данную нам для разрешения неплодства».

Радостно шествовала в храм юная Мария. Обет родителей сделался обетом ее сердца; храм Господень стал для нее вожделенней селений человеческих. Она восходила по ступеням Иерусалимского храма, как в райскую обитель. Никем не поддерживаемая, как взрослая, преодолела трехлетнюю отроковицу пятнадцать ступеней лестницы, ведущей к храму, и предстала сонму служителей, вышедшему навстречу этому шествию.

Отроковицу встречал первосвященник Захария. Он был изумлен ее духовной «добротой» и священным восторгом этой удивительной про-

цессии. Поэтому, он, по словам блаженного Феофилакта, «вне себя быв», вводит чудную отроковицу во внутренний алтарь, за вторую завесу, куда доступ был разрешен ему одному один раз в год.

При храме Иерусалимском имелись помещения, в которых жили лица, посвятившие себя на служение Богу. Здесь были девы, вдовицы; жили также и мужчины, дававшие обеты воздержания, они именовались назореями.

Священное Писание упоминает несколько случаев таких посвящений; выше мы приводили в пример дочь Иеффая, упомянем еще Самуила, Анну, дочь Фануилову, которая не отходила от храма «постом и молитвою служа Богу день и ночь» (Лук. 2, 37).

Отроковице Марии, говорит св. Андрей Критский, было определено для жительства и занятий рукodelием место в обители девичьей, для молитвы же «ей не возвращалось входить во Святая Святых... Пришедши в больший возраст и навыкши писанию и рукodelию, она более упражнялась в молитве, нежели в рукodelии: для нее было обычно целые ночи и значительную часть дня проводить в молитве. Поэтому она большее время своего в храме жития провела за второй завесой во внутренней скинии на молитве» (Минейное сказание, от святых Отец и достоверных списателей собранное).

«Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего, и возжелает Царь доброты Твоей» (Пс. 44, 11—12), пророчески восклицает о подвиге Приснодевы Ее предок Давид. Дивная дочь Иоакима и Анны приняла на себя великий подвиг ради любви к Господу: от ранней Своей юности, с трехлетнего возраста, она забыла для Него «люди своя»; она всецело погрузилась в молитву, а также слушала чудное учение, которое раскрывалось перед ее духовными очами в Священном Писании, и наблюдала своим Богомудрым разумом дивные дела Промысла Божия в жизни мира. Все свои привязанности: любовь к родным, все близкое сердцу, что было в мире, она оставила за стенами храма. Как Авраам, отроковица Мария «вышла из рода» своего и из дома отца своего и предстала в молитве перед Богом, Ему одному служила. Она — от юности великая подвижница, первая великая инокиня.

....Ро дворе Иерусалимского храма попрежнему теснилась многосторонняя, экзальтированная толпа иудеев, стекавшаяся сюда, в великий город, со всех концов рассеяния. Отойдя от духа закона и прилепившись к его букве, они превратно смотрели на дело спасения и ожидали Мессию, как освободителя от власти Рима. Обуреваемые политическими чаяниями, они не замечали, как «во внутреннейшем», за второй завесой скинии, возрастала духом скромнейшая и чистейшая Дщерь Адамова, чрез Которую Господь и готовил людям духовное спасение.

Ветхий Завет полон прообразов, предзнаменовавших Богоматерь. Эти прообразы, показывая неземную славу Приснодевы, одновременно открывают и для всех людей великую перспективу духовного совершенствования.

«Преславно прообразовал Тебя, Чистая, ветхий закон, как скинию Божию, где вселился Бог с человеками,— поет Святая Православная Церковь в день праздника Рождества — как божественную стамну, которая носит в себе божественную манну,— как чудный кивот, заключающий в себе божественные скрижали, на которых перстом Отца Небесного начертано Божие Слово,— как завесу, открывающую нам, грешным, вход в небесный чертог,— как жезл Ааронов, усеченный и чудесно произрастивший нам цвет и плод жизни вечной» (Канон, песнь 9).

Так богословствует о Богоматери Св. Православная Церковь устами

своих «песнословцев». Есть в Ветхом Завете еще один величественный прообраз, вспоминая который Св. Церковь восклицает Приснодеве:

«Радуйся, лестнице высокая, юже Иаков виде» (Акафист Богородице Приснодеве Марии).

Все перечисленные прообразы: скиния, стамна, кивот, завеса, жезл Ааронов, лестница праотца Иакова, хотя кратки по содержанию, но весьма выразительны по тому смыслу, который в них вложен. Самое их существо, их единобразный язык, подчеркивают человеческую природу Той, Которую они предзначали. Об этом свидетельствует и утвержденная на земле лестница в видении Иакова, об этом говорят и все предметы, взятые для построения прообразов Приснодевы. Все они — вещественные, земные, хотя сделаны из ценных материалов: скиния — сооружена из дерева ситтим, драгоценного металла и тяжелых тканей; стамна — из золота; кивот — деревянный, обложенный изнутри и снаружи чистым золотом; жезл Ааронов — из омертвевшей трости. Материальная часть символики прообразов выбрана так, чтобы подчеркнуть земное происхождение вещества, которое подлежит чудесному одухотворению. Кроме того, материал прообразов означает не просто плоть, которая может быть безгрешна, но плоть, подверженную греху и смерти,— ибо разверзаются неплодные утробы, расцветает небесным цветом увядшая трость, ящик из дерева ситтим становится «Кивотом, позлащенным Духом».

Чудная лестница утверждена на земле, но верх ее касается неба, и Сам Господь стоит на ней. Перстное становится небесным — вот по поводу чего ликует Церковь, вспоминая в прообразах Приснодеву и Ее пречудное вхождение. Причастное плоти расцветает небесным цветом и делается сокровищницей благодати — в этом залог и нашего пути спасения.

* * *

После свершения «велия благочестия тайны» — воплощения Сына Божия и Его Крестной Жертвы — сняты покровы с ветхозаветных прообразов. Новый Завет открыл нам, что в знаменательный день, который празднуется Св. Церковью 21 ноября, в Иерусалимский храм вошла «Святая Святых большая», Та Пренепорочная Дщерь человеческая, Которая за Свою чистоту удостоится великой благодати: Она вместит в Себя Бога, сделавшись, по наитию Св. Духа, Его Матерью по плоти.

«Непостижимо зачав Бога, Ты, Отроковица, превзошла законы естества; ибо Ты, и пребыв тленною по естеству, в рождении не испытала свойственного материюм; посему достойно слышишь: «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою» (Канон на Благовещение, песнь 9, тропарь).

Так воспевает преп. Иоанн Дамаскин эту дивную Мать и одушевленный Кивот Божий.

Наступает время свершения древних прообразов. Отходит ветхозаветная скиния. В храм вступает Приснодева, «соестественная нам Дщерь Адама»¹, Она становится новою скинией. Херувимы славы, которые расстирали крылья свои над очистилищем, где Господь открывался Моисею, теперь осенили Ее, как престол Божий, как Мать Господа Вышняго. В этом, прежде всего, и заключается великое торжество настоящего праздника.

Вхождение Приснодевы во Святое Святых прообразовало для всех людей еще один радостный и глубоко обязывающий их факт, который сделался реальностью с принесением Крестной Жертвы Сыном Божиим — это разрушение средостения между Богом и людьми и открытие для последних необозримого пути подвига и святости.

¹ Димитрий, архиеп. Херсонский, Слова, речи и поучения, т. II, стр. 68.

«Приведутся Царю девы в след Ея, искренние Ея приведутся Тебе, введутся в храм Царев» (Пс. 44, 15—16).

Искренние Ея, т. е. подруги Ея,— это те, которые по образу жизни и настроению близки Ей. «Девы — приглашает Св. Церковь — свечи носяще, предыдите, Приснодевы чтуше честное происхождение (входжение). Матери, печаль свою отложиши, радостно споследуйте Матери Бога бывающей...»².

Девы и матери, как более чуткие к чистоте и святости, особенно приглашаются в этот день Св. Церковью к духовной бодрости. Они первые должны «поправить светильники свои», чтобы следовать за Богоотроковицей. Все верные, как девы псалмопевца, призываются следовать стезей Богоматери во внутреннейший свой храм, пред Лице Бога, ибо Св. Православная Церковь верует, что, благодаря домостроительству Божию, каждый человек может сделаться обителью Бога.

«Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3, 16).

Так открывается для человека бесконечный путь Богоуподобления, и образ этого пути обозначен в выдающемся событии в жизни Богоматери. Скажем словами нашего замечательного отечественного богослова, митрополита Филарета:

«Приведение Пресвятой Девы есть начало торжественного шествия, в котором все чистые, целомудренные души за Нею последуют;... желающие участвовать в настоящем торжестве должны присоединиться к оному торжественному шествию, облекшись в качества, сообразные образу великия Ликоначальницы онаго»³.

* * *

Отмечая ежегодно великий день Введения во храм Пресвятой Богородицы, Св. Православная Церковь приглашает всех нас, верующих, быть не праздными зрителями этого духовного торжества, но активными его участниками. Мы должны быть внимательны к этому зову Церкви, остерегаясь, чтобы не оказаться в положении иудейской толпы, некогда теснившейся в притворах Иерусалимского храма в ожидании Мессии и совершенно не замечавшей Ту, Которая в это время пребывала «за второй завесой» храма и в подвиге и молитве готовилась стать «Честнейшей Херувим».

Святая Православная Церковь богослужением этого дня, а также устами своих церковных витий и новозаветных псалмопевцев раскрывает перед нами духовный смысл праздника. Одновременно она указывает нам путь подвига и святости, как логический вывод из этого торжества.

Каждый раз, когда мы в этот великий день благоговейно взираем на шествие по ступеням Иерусалимского храма величайшей Дщери Адамовой, мы должны радостно видеть в Ней Матью нашего спасения, обязаны сами стремиться следовать Ее путем и с благодарностью воспевать Ей: «Свыше Тя пророки предзвестиша, Отроковице».

И. Попов

² Стихира на стиховне великой вечерни.

³ «Слово в день Введения во храм», т. I, стр. 206.

О ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ

(Божеская и человеческая стороны в земной Церкви)

Настоящий очерк составляет как бы некоторое прибавление к нашей работе о болгарской схизме¹.

В греко-болгарской распре проявилось очень много ненормального, низменно-человеческого элемента и со стороны греков, и со стороны болгар. Сюда примешалось очень много человеческих страстей.

Ненормальное направление церковной жизни в греческом (хотя и называющемся «вселенским») Константинопольском патриархате, выражавшееся в своеобразном эллинском национализме и в смешении эллинизма с Православием, в связи с другими ненормальными условиями жизни Церкви в турецком государстве, вызвало, при начавшемся болгарском национальном возрождении (под влиянием общего в XIX в. национального возрождения угнетенных народностей), болгарский церковный вопрос, приведший к церковной схизме.

Явление это чисто историческое, совершенно не затрагивавшее существенных сторон Православной веры. Это была просто своего рода ссора, или, как принято называть ее, распри между болгарами и греками. Хотя в пылу этой распри со стороны болгар были предпринимаемы попытки унии с Римом и даже с протестантами, были даже высказывались проекты создания совершенно новой «болгарской» веры, вроде бого米尔ства, но эти попытки и проекты были только частичными движениями, инициатива которых принадлежала преимущественно молодежи, не встретившими сочувствия со стороны болгарской иерархии в ее целом и не имевшими особенно серьезных и прочных в среде болгар последствий. В общем, болгары остались верными Православию.

Даже больше того, чтобы не дать повода основательно обвинить их в схизме, которую провозгласили в отношении их греки, болгары намеренно решительно во всем, даже в мелочах (мелкие особенности богослужения, церковные напевы, одежда духовенства и т. д.), сохранили особенности греческой церковной жизни. В этом отношении у болгар в Церкви нет ничего национального, что встречается, например, у сербов или у русских.

Повторяем, религиозных причин болгарская схизма не имела.

Обвинение в «филетизме», предъявленное болгарам на Константинопольском соборе 1872 г., хотя и имело некоторое основание в крайних проявлениях национализма среди болгар, в пылу распри поставивших болгарскую национальность выше церковного единения и власть турецкого султана в церковных делах выше церковной власти Константинопольского Патриарха, но не надо забывать, что здорового национализма в Церкви Православие вообще не отрицает и что в основе церков-

¹ Краткое извлечение из нее см. в «Ж. М. П.» 1948 г., №№ 7, 11, 12.

ной жизни самих греков, в частности, в турецкий период, лежал тоже национализм — в виде эллинизма, ошибочно смешиваемого греками с Православием. Крайности эллинизма, в виде эллинизации болгар, и были причиной взрыва национального чувства болгар в эпоху их национального возрождения. Одна крайность вызвала другую.

Во всяком случае, болгарская схизма, как чисто историческое явление, не имевшее никакого отношения к существу веры, с изменением исторических обстоятельств должна была прекратить свое существование. Это — человеческая ссора между болгарами и греками, в которой с самого начала не принимали никакого участия и которой не сочувствовали славяне (Русская и Сербская Церкви), румыны (автокефальные Молдаво-Валашская, Трансильванская и Буковинская Церкви) и сирийцы (Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов), против которой был и один из греческих Патриархов — Иерусалимский Кирилл VII, современник провозгласившего схизму собора 1872 г., пострадавший за ее неодобрение.

Как и всякая ссора между людьми со временем проходит, так и эта церковная распра должна была, наконец, прекратиться, так как давно уже изменились исторические условия и исчезли и человеческие причины, ее вызывавшие.

И она, слава Богу, прекратилась в 1945 г., чем было ознаменовано начало патриаршествования Алексия, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Но все же у верующего человека может зародиться вопрос: как возможны подобные явления в Церкви? Как их примирить с идеей святости Церкви?

Предлагаемый очерк и имеет своей задачей ответить, главным образом, на этот вопрос.

* *

*

Господь наш Иисус Христос, когда жил на земле, звал людей в Царство Свое — Царство Божие, Царство Небесное и научил нас молиться Небесному Отцу: «Да придет Царствие Твое». Царство Божие составляло главный предмет бесед Спасителя. (Ср. Лк. 9, 11; Деян. 1, 3). Царство это — «не от мира сего» (Иоан. 18, 36), Царство не мирское, а духовное.

Для достижения этого Царства и спасения людей Господь учредил на земле Церковь Свою.

Таким образом, одной своей стороной Церковь обращена к Богу, к небу, к Небесному Царству, другой — к людям, к земле. Царство Божие, с которым она непосредственно соприкасается и которое отчасти заключает внутри себя, с ним иногда и стождается (см. притчи Спасителя — о семени, о пшенице и плевелах, о зерне горчичном, закваске, о сокровище, скрытом в поле, о драгоценной жемчужине, о неводе — Мф. гл. 13 и др.) и составляет ее главную и существенную часть. Но она имеет назначение и распространяться на земле и привлекать к себе грешных людей через веру и покаяние.

Она есть учреждение Божечеловеческое, имеющее две стороны: Божескую и человеческую. Божеская сторона в ней непогрешима, неизменяется и вечна; человеческая может быть погрешимой, изменяемой и временной. Но она необходимо присутствует в земной Церкви, ибо Господь «пришел призвать не пра́ведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13) и с этой целью, т. е. для спасения грешников, и учредил Свою Церковь на земле.

«Для того и... стоит в мире Церковь святая со всеми ее учреждениями, для того иерархия, богослужение, таинства, обряды, для того посты,

чтобы очищать и освящать чад Божиих, ради соединения с Всеблаженным Существом, в Троице славословимым Отцем, Сыном и Духом Святым»².

«Можно сказать, что христианство (т. е. земная Церковь) есть больница, наполненная слабыми и немощными людьми, грешниками и святыми. С ними происходит то же, что и с детьми, которые учатся еще ходить около стен и которых нужно водить на помочах, поднимать, носить, поправлять: так христианам подобает друг друга тяготы носить (Галат. 6, 2). Нужно не укорять и не судить слабого христианина, но исправлять его с кротким сердцем и научаться из его примера познанию собственной слабости»³.

Но все человеческое в Церкви ценно постольку, поскольку освящается и проникается Божественным.

Божеская сторона Церкви («Царство Божие») в своей главной и существенной части чувственно невидима. По Символу Православной веры (Никео-Цареградскому), мы в Церковь должны веровать. «Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь» (9-й член Символа веры). А то, во что мы веруем, не подлежит нашим внешним чувствам: вера есть «вещей обличение невидимых» (Евр. 11,1).

По своей Божеской стороне Церковь, как и Сам Бог и все Божие, невидима; или, если все это видимо, то только духовно, только для очей веры.

Но это духовное видение, тем не менее, реально, а у людей святых это видение духовного мира может доходить даже до степени физической реальности. Еспомним, для примера, явление Божией Матери преп. Сергию Радонежскому, преп. Серафиму Саровскому и т. д.

Укажем еще несколько примеров.

Про св. Нифонта (IV в.), еп. Констанции, града Кипрского, говорится в его житии, что он имел «просвещенные» «умные очи», что знал тайны человеческих сердец, с ангелами, как с друзьями своими, беседовал⁴.

Подобное нечто сообщается и о преп. Иоаннике Великом (VIII—IX вв.)⁵.

Некоторые святые удостоивались слышать ангельское пение. Это сообщается, например, о преподобном Григории Декаполите (816 г.)⁶.

Неоднократно были небесные видения и слышания и св. Тихону Задонскому.

В будущем веке духовное видение заменит самую веру.

Для людей же недуховных, плотских, здесь, на земле, Бог и все Божие остаются невидимыми и непостижимыми. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор. 2,14).

Для этого надобно иметь духовные очи, духовный слух.

Телесное ухо имеют все люди, духовное же приобретает только человек духовный; таковое, например, имел пророк Исаия (8, 5)⁷.

Для людей с чистыми духовными очами «весь мир, небо и земля и все, что на них, море и все, что в нем, есть излияние бесконечной благо-

² О. Иоанн Кронштадтский, Моя Жизнь во Христе. Извлечения из дневника, изд. Р. Лукшевича. СПБ, 1911, стр. 308—309.

³ И. Арндт, Об истинном христианстве, изд. Сойкина, стр. 197.

⁴ Четырь-Минеи св. Димитрия Ростовского, 23 декабря.

⁵ См. его житие по Синод. изд. (по св. Димитрию Ростовскому) Четырь-Минеи, 4 ноября.

⁶ См. его житие по Синод. изд. (по св. Димитрию Ростовскому) Четырь-Минеи, ноября.

⁷ Св. Андрей Кесарийский, Толкование на Апокалипсис, в переводе иеромонаха Антония. М., 1893, стр. 17.

сти Божией, Его разума и бесконечной силы и могущества, благости к тварям, коих Он создал для радости и блаженства, в особенности, благости к человеческому роду. Мир есть зерцало благости, разума, премудрости и силы Божией⁸.

Бывает особый безмолвный язык природы, ощущимый только для верующих сердец, хотя иногда и грозно выражаемый,— как, например, затмение солнца и землетрясение во время распятия Спасителя. «Солнце, яко видя Тя распинаема, зайде: како бо сияло бы, укоризну видя Зиждителя своего? Яко и тварь преклоняема распинателям во-пияше молчащи: яко Ты Бог еси всех, аще и плотию страстен» (Триодь Постная. Из канона Пятка 5-й седмицы).

Не только через внешний мир, но и внутри себя непосредственно человек с чистыми духовными очами может видеть Господа.

«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8).

Есть, по выражению Апостола, «дух откровения», который дается не одним пророкам и Апостолам. Есть «просвещенные очеса сердца», которыми внутренний человек, в состоянии своего здравия и совершенства, смотрит в невидимое царство благодати, подобно как внешний человек, телесными очами,— в видимое царство природы.

Этого Боговидения Господь не лишает никого из верующих, если только они сами намеренно себя от этого не отстраняют.

С особенной же полнотой открывается Христос для очистивших свой ум и сердце в св. Евангелии.

«Евангелие — священная и всесвятая книга! Как в чистых водах отпечатывается солнце, так в Евангелии изображен Христос. Желающий узреть Христа да очистит ум и сердце покаянием! Он узрит в Евангелии Христа, истинного Бога, Спасителя падших человеков; узрит в Евангелии, какие свойства должен иметь ученик Иисуса, призванный научиться кротости и смиреню у Самого Господа. В этих Богоподражательных добродетелях он найдет блаженный покой душе своей»⁹.

Особенно, конечно, духовные очи и духовный слух необходимы для постижения высших тайн Божиих, открываемых особым избранникам.

«Не всех слуг Своих и учеников Господь вводил с Собою в открытие сокровенных и высших тайн Своих, но только таких неких, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними: не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества»¹⁰.

Для этого нужна особая подготовка.

Св. Апостол молился о своих учениках: чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал им Духа премудрости и откровения к познанию Его и просветил очи сердца их, дабы они познали, в чем состоит надежда призываия Его, и какое богатство славного наследия Его для святых (Ефес. 1, 17—18).

А о себе он писал: «Мне чрез откровение возвещена тайна..., которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым» (Ефес. 3, 3, 5).

«Отсюда видим, что к познанию Божию нужно откровение; слово Божие проповедует Бога, но Бога без Бога познати не можем. Слеп и темен разум наш есть: требует просвещения от Самого Того, Который

⁸ О. Иоанн Кронштадтский, Моя Жизнь во Христе, т. II, изд. 5-е, М., 1899 г., стр. 70.

⁹ Епископ Игнатий Брянчанинов, соч., т. I, изд. 3-е, СПБ., 1905, стр. 410.

¹⁰ Преп. Никита Стифат, «Добротолюбие», т. V, стр. 170.

из тьмы производит свет. Надобно убо светильнику Божия слова внимати, но просвещения от Самого Бога просить; надобно тьме вышест蜃ным светом прогнаться. Святое Писание есть светильник нам, но потребно внутреннему оку открытия, дабы возмогло оно видеть светильник сияющ. Света бо слепый не видит: надобно открытые очи иметь. Откуду пророк молится: открытый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего (Пс. 118, 18)»¹¹.

Но, конечно, в полной мере это относится только к святым. Слово Божие понятнее для этих избранников Божиих, чем для обыкновенных людей.

Все писания свв. отцов нам необходимы для правильного понимания Слова Божия. Слово Божие у них становится более понятным, даже и для обыкновенного человека. Без них он может понимать его и неправильно или даже совсем не понимать. Ибо он может совсем не иметь духовного слуха и духовных очей.

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» — говорит Спаситель. — «И приступивши ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножиться; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их (Исаия, 6, 9—10). Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Мф. 13, 9—17).

«Господи!» — молился св. Тихон Задонский, — даждь ми уши слышати Тя. Даждь ми очи видети Тя. Даждь ми вкус вкусити Тя. Даждь ми ухание благоухати Тя»¹².

Спаситель, как Христос — Богочеловек, когда Он жил на земле, был видим и учение Его было понятно только для очей веры, только для избранных, в частности, свв. Апостолов. Неверующие считали Его простым человеком, «сыном плотника» (Мф. 13, 55) и отвергали Его учение.

То же самое было и в последующее время. Много было и есть неверующих, потому что у них не было и нет духовных очей. Но Господь просвещает наши духовные очи и духовный слух через страдания (крест, соединенный с крестом Христовым, и соединенные с ним смиление и покаяние человека).

Духовые очи открывают человеку духовный мир — Бога и все Божие, в том числе и невидимую внешне, Божию сторону Церкви Христовой.

Но все это постигается, главным образом, интуитивно, а не через научное исследование.

Для научного исследования доступна только человеческая сторона Церкви. В ней тоже есть, конечно, положительные стороны, необходимо связанные с благодатной, невидимой стороной ее. Но есть и отрицательные.

Отсюда становится понятным и другое возможное недоумение: почему в исторических исследованиях мы часто имеем дело с отрицатель-

¹¹ Св. Тихон Задонский. Творения, М., 1889 г., т. V, стр. 53.

¹² «Вздыхания грешных души к Иисусу Сыну Божию».

ными явлениями церковной жизни. Таков уже человек по своей натуре. Отрицательные явления в его жизни преобладают. Они проникают и в церковную жизнь. Они отражаются и в исторических памятниках и архивных данных. К их разряду относятся разные аномалии в нравственной жизни — личной и общественной. Сюда же относятся и разные уклонения человеческой мысли в постижении истин веры, разные ереси и расколы.

И нельзя винить историков, что они часто изображали историческую церковную жизнь с отрицательной стороны. Они следовали свидетельству памятников. А там они находили мало данных для положительной стороны. Подвиги святых людей, их духовные, святые переживания, их молитвы в своей большей части остались ведомы только Всеведущему Господу. Только малая частица этого отразилась в их «житиях».

Но для верующего взора (т. е. духовных очей) и в жизни, и в истории открывается больше, чем во внешних, фактических данных. Он усматривает в общем ходе событий постепенную подготовку и созидание Царства Божия на земле. Для этого взора и чисто человеческая сторона в жизни и в истории Церкви имеет свое значение.

Если положительная, точнее — благодатная (Божия) сторона церковной жизни, по большей части, незрима для обыкновенного человека, в том числе, и для историка, то для верующего взора она есть, она сияет и в жизни, и в истории. Она выражается до некоторой степени и внешне, особенно — в Слове Божием и творениях святоотеческих, а также — в православной церковности — в богослужении, таинствах, молитвах, в дивных песнопениях Церкви. Она проникает и внешнюю жизнь верующих людей, а особенно — святых. И особенно она проявляется в храме Божием — в общих молитвах и духовных переживаниях Церкви. Во внешнем виде молящихся в храме она становится как будто даже видимой. Но главным образом все это содержание духовной жизни переживается внутри человека и воспринимается через духовные очи и слух. Христианское добро дело только в незначительной части выражается во вне, а совершается большею частью незримо, тайно (согласно наставлению Спасителя и Его истинных последователей), как и вся вообще духовная жизнь человека скрыта со Христом в Боге (Колос. 3, 3).

Царство Божие, наряду с противоположными явлениями жизни, конечно, зреет, развивается, как та евангельская закваска, которую жена положила в тесто, пока оно не вскисло все. Только этот процесс легче почувствовать, чем исследовать. Завершение его и расцвет — в будущем веке, в будущих условиях жизни, когда будет «новое небо» и «новая земля». В предчувствии этого христиане научены Св. Апостолом Иоанном Богословом молиться: «Ей, гряди, Господи Иисусе».

Из сказанного мы делаем следующие выводы:

- 1) Церковь Христова имеет две стороны: Божескую и человеческую.
- 2) Божеская сторона внешне невидима и воспринимается духовными очами и духовным слухом.
- 3) Она очень мало подлежит рациональному (научному) исследованию.
- 4) Не надо смущаться, если в земной Церкви, в чисто человеческой ее стороне, существуют и иногда очень ощутительно дают себя знать отрицательные явления. Это неизбежно (хотя и не оправдывает лично допускающих нехорошие дела — ср. Мф. 18, 7).
- 5) Отрицательные явления церковной жизни часто составляют содержание исторических памятников.
- 6) Еполне понятно, что эти чисто человеческие явления останавливают на себе тоже преимущественное внимание исследователей.

Проф.-прот. В. Верюжский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМ

I

Из сказанного в предыдущем очерке¹ можно видеть, что иезуитский орден с первых дней своего исторического существования стал наиболее активным орудием римской пропаганды. С течением времени он достиг такого положения, что глава католической церкви — папа оказался в руках генерала иезуитского ордена. Папский престол стал тяготиться орденом.

Иезуиты вооружили против себя и светский католический мир Западной Европы. Политические интриги, которыми они опутали дворцы правителей, сеть шпионажа и шантажа сделали орден предметом всеобщей ненависти и справедливых нападок, а слово «иезуит» стало нарицательным. Между тем в Западной Европе происходили крупные перемены. Феодальная система стала разлагаться. На смену ей выступали новые буржуазные отношения, создававшие и свою идеологию. Стали появляться и справедливые нападки и на средневековый католицизм, который ассоциировался и с иезуитским орденом и средневековой инквизицией. В пылу полемики нападающая сторона смешивала в одно: христианство вообще — со средневековыми извращениями его, Церковь — с папизмом. Вполне понятно, что Рим постарался отмежеваться в первую очередь от иезуитов. Папа Бенедикт XIV ведет переписку с Вольтером, который посвящает папе одно из своих произведений. Папы стали проявлять терпимость к протестантам и к греко-униатам. Вследствие этого по адресу папы Бенедикта XIV, а также и его преемника Климента XIV не было направлено ни одного пасквиля, не раздавалось ни одного слова упрека. Зато ожесточенным справедливым нападкам подверглись иезуиты, и таинственная незримая рука уже чертила на стене роковые слова. Требовалась радикальная реформа, но

¹ См. «Ж. М. П.», 1949 г. №№ 3, 4, 7.

Читателю, интересующемуся более подробными сведениями о положении католичества в России в конце XVIII и в начале XIX в., можно рекомендовать следующую литературу:

1. Свящ. М. Морошкин, Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть первая (СПБ, 1867) излагает историю иезуитов в России при Екатерине II и Павле I; часть вторая (СПБ, 1870 г.) обнимает историю иезуитов в царствование Александра I. Автор широко использовал существующую литературу об иезуитском ордене, не только на русском, но и на иностранных языках.

2. Ю. Ф. Самарин. Иезуиты и их отношение к России, М., 1866.

3. Интересный документальный материал по вопросам о положении римо-католической церкви в России в конце XVIII в. опубликован в сборнике Русского исторического общества, т. I. СПБ., 1867 г., стр. 421—539 под общим заголовком: «Переписка по делу об открытии в Белоруссии иезуитского новициата».

4. Толстой Д. А. Римский католицизм в России, т. II, СПБ., 1869 г.

5. М. О. Коялович, История воссоединения западно-русских униатов старых времен, СПБ., 1873 г.

6. Большой интерес представляет и дневник Сестренцевича.

орден на нее пойти не мог. Это было бы равносильным самоубийству. Слова генерала иезуитского ордена Риччи: «*Simus, ut simus, aut non simus*» — (т. е. мы будем существовать, как существуем, или совсем не будем существовать) — не простая фраза. След за словесными нападками на иезуитов, последовали скандальные судебные процессы, компрометирующие видных представителей ордена уже не только в политическом отношении, но и в моральном. Вскрывались уголовные преступления членов ордена, совершенные и совершаемые в разных европейских странах: Италии, Франции, Испании, Португалии и др.

Пока на папском престоле сидели креатуры ордена (Григорий XIII, Климент XIII и др.), иезуиты чувствовали себя в безопасности. Некоторым светским правительствам в знак протesta просто приходилось отзывать из Рима своих представителей. В Португалии и Испании пошли были разговоры об отделении местных церквей от Рима. Среди кардиналов образовалась партия, советовавшая папе (Клименту XIII), в интересах сохранения престижа католической церкви, ликвидировать иезуитский орден. Скоропостижная смерть (3 февраля 1769 г.) папы Клиmenta помешала ему стать на этот путь. Преемник его кардинал Ганганиелли, ставший папою Климентом XIV, хорошо понимал, что сопротивляться сложившимся обстоятельствам будет безрассудным. После тщательного и длительного обдумывания, он 21 июля 1773 г. подписал бреве о ликвидации иезуитского ордена, но опубликовано оно было лишь 16 августа. Папское бреве, начинающееся словами «*Dominus ac Redemptor noster*» представляло крупнейшее событие в истории католической церкви. Многие не верили, что это бреве будет осуществлено на деле. Однако 19 августа бреве было разослано по всем католическим епархиям Италии, Франции, Испании, Португалии, Германии и Польши.

Иезуиты с ненавистью отговаривали опубликование папского бреве. По адресу папы раздавалась самая грубая брань, посыпались пасквили. Иезуиты уничтожали в своих коллегиях наиболее ценное имущество, жгли книги, зарывали в землю и бросали в реки золотые и серебряные вещи.

Два государства не хотели давать у себя силы бреве папы Клиmenta XIV — Пруссия и Россия. 5 августа 1772 г. произошел первый раздел части польских земель между Россией, Австрией и Польшей. Россия получила часть Полоцкого воеводства (по Двине), Витебское (без Оршанского повета), Мстиславское и часть Минского. К Австрии отошли княжества Освятимское и Заторское, южные части воеводств Krakовского и Sandomирского, Русское воеводство (без Холмской земли) и Бельское. Пруссия заняла Вармию, воеводства Поморское (без Гданска), Мальборское, Хельминское (без Торуня) и земли по р. Нотець. Сейм 1773 г. вынужден был санкционировать происшедший раздел. Часть иезуитских монастырей, коллегий и миссий оказалась под властью правительства протестантов и православных. Фридрих II, не любивший католиков и, в частности, иезуитов, тем не менее готов был оказать последним приют. Иезуиты ревностно принялись за организацию своей общины на территории Пруссии под управлением провинциальных силезских иезуитов. Фридрих II рассчитывал в лице иезуитов иметь сторонников в новоприсоединенном крае и агентов для будущих новых захватов. Возможно, что Фридрих держался преувеличенного взгляда на иезуитские школы. Впрочем, вскоре он был разочарован невысоким уровнем этих школ. В 1776 г. Фридрих II ликвидировал иезуитский орден в своих владениях.

В другом положении оказались в Белоруссии, перешедшей в состав Российской империи. По первому разделу к России перешли 1692 кв. мили территории, с количеством населения около 1.360.000

душ². Некогда православное, это население в подавляющем числе в данный момент оказывалось или униатским, или католическим. Православных церквей было немного. На территории всей Белоруссии существовала только одна православная епархия, которая с 14 декабря 1772 г. управлял епископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий Конисский. Естественно, что в отношении своих новых подданных католиков русское правительство Екатерины II должно было выработать известные нормы поведения. Рядом специальных указов Екатерина II обеспечивала свободу вероисповедания и неприкосновенности церковных обрядов³. Но в то же время было постановлено, чтобы без согласия с русским правительством среди русских католиков не опубликовывались никакие папские буллы, бреве, декреты и др., чтобы униатские и католические епископы были русскими подданными и католические монастыри были подчинены власти местного католического архиерея. Особенное внимание русского правительства было обращено на униатов, этих некогда православных, но насильственно отторгнутых от Матери-Церкви. В момент присоединения белорусских земель к России по первому разделу Польши униатским архиепископом был Иасон Юноша — Смогоржевский. Но вскоре (в 1779 г.) он сменил умершего митрополита Льва Шептицкого и уехал в Варшаву, Полоцким униатским архиепископом стал в 1783 г. Ираклий Лисовский.

Много внимания должно было уделять русское правительство и римско-католической церкви. Главной задачей своей в отношении своих подданных католиков Екатерина ставила возможно большую изоляцию их от папского престола. Католическая церковь в новоприсоединенных к России по первому разделу Польши районах составляла три епархии: одна часть белорусских костелов относилась к Виленской епархии, другая входила в состав епархии Инфлянтской, а третья — Смоленской. Как Смоленский, так и Инфлянский епископы проживали в Варшаве и были скорее епископами *in partibus infidelium*. Они отказались присягать Екатерине, которая объявила подчиненные ей католические епархии независимыми от прежних епископов. Она учредила без всякого сношения с Римом, Белорусскую римо-католическую епархию своею властью, назначила (22 ноября 1773 г.) епископом католических церквей в России Станислава-Богуша Сестренцевича. Человек весьма образованный, в молодости протестант, затем, уже в чине капитана в отставке, католик, ксендз, виленский каноник и, наконец, епископ — Суффраган, коадьютор (помощник) виленского епископа Масальского, — Сестренцевич, при переходе Белоруссии под власть России, немедленно присягнул русскому правительству.

Рим был обезкуражен и с ужасом смотрел на действия русского двора и рассматривал их как уничтожение католической церкви в России. Через своих нунциев в Варшаве, Вене и персонально через австрийскую императрицу Марию Терезию папа протестовал против действий Екатерины II. От русского правительства следовал один и тот же ответ, что в России католиков вообще не преследуют, и тревога папы неосновательна.

Екатерина не разрешила опубликовать на территории Белоруссии и папское бреве об уничтожении ордена иезуитов. Иезуиты в Белоруссии остались попрежнему, наряду с другими католическими монашескими орденами. В Белоруссии было 6 иезуитских коллегий (в Полоцке, Витебске, Орше, Мстиславе и Динабурге), несколько миссий и рези-

² М. Морошкин, Иезуиты в России, цит., соч., ч. I, СПБ., 1867 г., стр. 35—36; по другим данным, количество населения в перешедшей под власть России части Белоруссии доходило до 1.800.000 чел. (П. Н. Батюшков. Волынь, СПБ., 1888 г., прилж., стр. 53).

³ Полное собрание законов Российской империи. 1772 г., №№ 13807—13808 и др.

денций. Центром белорусских иезуитов был Полоцк. Здесь в распоряжении ордена находились богатые костелы, хорошо оборудованная учебными пособиями и библиотекой школа, конвикт (общежитие для обучающейся шляхетской молодежи) и богатые земельные владения (фундуши). Оборудованными и хорошо обеспеченными были и остальные иезуитские монастыри.

По отношению к католической церкви Екатерина II сделала только одно ограничение, касающееся, впрочем, и других вероисповеданий. Она запретила монастырям приобретать земли и другие виды недвижимого имущества и постановила закрыть те из монастырей, которые являются бесполезными для общества: не занимаются богоугодными делами или школьным просвещением⁴.

Русское правительство отрицательно относилось к иезуитам. Петр I изгнал иезуитов из пределов России, запретив им впредь появляться в пределы русского государства. Екатерина II в своем наказе белорусскому генерал-губернатору Чернышеву требовала взять на учет все иезуитские монастыри и «недреманно» смотреть за иезуитами, «как коварнейшими из всех прочих латинских орденов, ибо у них без согласия начальников подчиненные ничего предпринять не могут»⁵. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что этими словами Екатерина выявила свой настоящий взгляд на иезуитский орден. Но почему же она оставила в России иезуитский орден? Казалось бы, проще всего было бы привести к исполнению бреве папы Климента XIV и на территории Белоруссии. По этому вопросу высказывалось много догадок и предположений. Следует помнить, что принесение присяги на верность русскому правительству в новоприсоединенных частях Белоруссии происходило медленно. Католическое и униатское духовенство оттягивало требуемую присягу по разным поводам. Но иезуиты очень быстро принесли эту присягу и торжественно, официально и открыто засвидетельствовали свои верноподданнические чувства новому правительству. Поведение иезуитов произвело неблагоприятное впечатление на остальное белорусское католическое духовенство. Зато в Петербурге стало сглаживаться традиционное недоброжелательное настроение по адресу иезуитов. Особенно это настроение стало меняться тогда, когда ректор полоцкой иезуитской коллегии и глава белорусских иезуитов образованный и ловкий Станислав Черневич с делегацией белорусских иезуитов специально прибыл в Петербург для принесения присяги императрице не только от имени белорусских, но и зарубежных иезуитов. Если принять во внимание, что за Речью Посполитой оставалась еще значительная часть территории Белоруссии и правобережная Украина, то вполне естественно, что русское правительство заинтересовано было в приобретении себе сторонников и агентов и в пределах Польши⁶. Черневич и его товарищи поспешили заручиться и покрови-

⁴ Д. Толстой. Римский католицизм в России, т. II, стр. 43 и 45.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. 1772 г., №№ 13807 и 13808.

⁶ По поводу выяснения причин покровительства со стороны Екатерины иезуитскому ордену высказывались различные предположения, иногда прямо фантастические. Например, будто бы Екатерина была благодарна иезуитам за их помощь русским и пленным в Константинополе во время первой турецкой войны (1768—1774 г.). Это — чистая фантазия! Другие объясняют дело тем, что Екатерина рассчитывала через иезуитов объединить Восточную и западную Церкви. Это — сказка, пущенная в ход иезуитом Бениславским, когда он хлопотал перед папой Пием VI за белорусских иезуитов. Цель этой сказки понятна — воздействовать на папу в интересах иезуитов. Бениславский, для большей убедительности, сочинил письмо от Екатерины к папе Пию VI по поводу соединения Церквей. Некоторые авторы объясняют все дело обидой Екатерины на папу за то, что он, ликвидируя орден, обратился к ней не непосредственно, а через Виленского епископа Масальского. Екатерина будто бы усмотрела в этом вмешательство в свои внутренние дела. Но подобным образом папское бреве распространялось и в других государствах. Сами иезуиты приписывали

тельством белорусского генерал-губернатора Чернышева. Отсюда, понятно, почему правительство Екатерины II стало на сторону иезуитов, когда ему пришлось разрешать в том или ином смысле вопрос о бреве папы Климента XIV.

Иезуиты повели себя очень ловко и в глазах папы желали показать, что сами они не прочь выполнить его волю, но все дело в руках русского правительства. Черневич обратился к Екатерине с просьбой разрешить им выполнить волю папы и самоупраздниться. Екатерина в ответ на это заметила: «Вы должны повиноваться папе в области веры, а в остальных делах — вашим государям. Я напишу моему посланнику в Варшаве, чтобы он переговорил об этом с папским нунцием и рассеял вашу мнительность»⁷.

В Риме правильно понимали суть дела и знали подлинное настроение иезуитов. Папский нунций в Варшаве Гарампи, имея в руках соответствующую инструкцию из Рима, указал белорусским иезуитам на нетактичность их поведения и дал знать, что они должны выполнить папское распоряжение. Со стороны иезуитов последовало обычное заявление, что-де они готовы выполнить требование папы, но им не позволяют этого светские власти. Раздраженному Риму для самоуспокоения пришлось удовольствоваться заявлением, что «нет ни одного заблуждения против здравого учения, которого... не могли бы проповедовать эти люди, озлобленные, распущенные, неверующие и угодники светской власти»... Поэтому папа решил оставить белорусских иезуитов в покое, предоставив их угрыванию собственной совести. Ничего не мог поделать с иезуитами и Сестренцевич... Безуспешным оказалось и непосредственное воздействие папы на Екатерину. Не смогли повлиять на нее и некоторые западно-европейские дворы. Так, например, не склонилась Екатерина на просьбу императрицы Марии Терезии выполнить папское бреве о ликвидации ордена иезуитов.

Отношение Екатерины к иезуитскому ордену следует рассматривать в связи с ее общей политикой по адресу католической церкви и, в частности, ее главы — римского папы. Екатерина не могла и не желала допустить постороннего вмешательства даже в церковное дело Российской империи. Независимо от папы она приступила к организации католической церкви в своем государстве, что вызвало энергичное, хотя и бесполезное сопротивление в Риме. В борьбе с папой Екатерина желала использовать иезуитский орден, некогда могучий оплот папской власти, а теперь враждебный папе. Она желала поставить католическую церковь в России в такое положение, в каком находилась и Церковь Православная. Екатерина, очевидно, держалась того взгляда, что римский католицизм не следует смешивать с папизмом.

II

22 сентября 1774 г. папа Климент XIV скончался⁸. Его сменил папа Пий VI. Это был человек, постоянно лавировавший между самыми про-

Екатерине намерение использовать орден для просвещения Сибири. Утверждение это столь наивно, что не требуется специального опровержения. Усваивают Екатерине мысль приобрести в лице иезуитов своего рода тайную полицию в Белоруссии. Но ведь этот же орден мог направить свои действия против своей покровительницы. Сама Екатерина чуть ли не официально назвала орден вероломным. Едва ли Екатерина могла быть высокого мнения об иезуитах как организаторах школьного дела. Иезуитские школы подверглись суровой, но справедливой критике в это время и в самой Польше. Несомненно одно: Екатерина рассчитывала использовать орден как орудие своей политики в новоприсоединенном крае и в борьбе с римским двором.

⁷ Морошкин, цит. соч., т. I, стр. 82; Самарин, цит. соч. стр. 251.

⁸ Подозревали, что кончина его была ускорена заинтересованными лицами (Морошкин, цит. соч., т. I, стр. 23, примеч.)

тивоположными влияниями. Подлинное его лицо выявить был трудно: как иезуитская, так и антииезуитская партии видели в нем своего человека. Отдельные мероприятия папы Пия VI (восстановление чисто иезуитской организации — братства Сердца Иисуса) как будто говорили о том, что папа — на стороне ордена, но в то же время каких-либо решительных мер в пользу ордена со стороны нового папы не было заметно. Когда белорусские иезуиты обратились к папе с просьбой о восстановлении их ордена, никакого ответа на это не последовало. Наоборот, из Рима Сестренцевичу шли напоминания о необходимости закрыть орден. Сестренцевич оказывался бессильным, так как при малейшем движении его в сторону ликвидации ордена, иезуиты обращались за защитой к гр. Чернышеву, благожелательному к ордену. Сестренцевич получал соответствующие напоминания, что-де «государыня приняла под свою защиту и покровительство белорусских иезуитов и желает, чтобы они пребывали в том положении, в каком были прежде... и чтобы никто не смел никак ни прямо, ни косвенно противодействовать и препятствовать им»⁹.

Папский нунций в Польше (Аркетти) обратился с просьбой к королю о воздействии на императрицу, но тот отказался выполнить эту бесполезную просьбу.

Непрекращавшиеся нападки на иезуитов со стороны Рима и укрепление их положения в Белоруссии¹⁰ побудили их самих перейти в наступление. Они решили открыть у себя в Полоцке при своей коллегии новициат для подготовки членов своего ордена. Строго говоря, ходатайствовать об открытии новициата вовсе не нужно было, так как существование новициата предполагалось уже самой конституцией ордена. Ходатайство иезуитов об открытии новициата было своеобразной демонстрацией. Иезуиты желали показать, что они не только существуют, но и намерены впредь существовать и даже расти. Дело об открытии в Белоруссии иезуитского новициата еще раз столкнуло русское правительство с Римом. Узнав, что русское правительство дало свое согласие на учреждение новициата, Рим пришел в движение. Конгрегация пропаганды веры решила было послать в Петербург специальное лицо убедить Екатерину взять обратно разрешение на постройку новициата. Но после некоторого размыщения проект этот был оставлен, как неосуществимый. Между тем в Полоцке и Динабурге уже сооружались дома для будущих новициатов. Конгрегация приняла другие меры. Епископ Сестренцевич получил от папы чрезвычайные полномочия над всеми монашескими орденами в Белоруссии в звании папского делегата. Для всех было ясно, что это мероприятие римского двора было направлено против иезуитов. Иезуиты пошли в контрнаступление и стали доказывать генерал-губернатору Чернышеву, что в Риме начался поход против данного Екатериной белорусским иезуитам разрешения учредить новициат. Екатерина пришла в негодование от вмешательства Рима в ее распоряжения и решила направить папское приказание против его самого. Сестренцевичу было дано распоряжение — на основании полученных им от папы полномочий открыть новициат в Полоцке. Сестренцевич оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он не мог ослушаться императрицы, а с другой, — он понимал, что если он выполнит волю светской власти и откроет новициат, то это сочтут за насмешку над папой. Сестренцевич стал медлить с ответом. Прошел год. Иезуиты приобрели себе нового сторонника при дворе в лице Потемкина, приобретшего для себя в Белоруссии много земель.

⁹ Морошкин, цит. соч., т. I, стр. 122.

¹⁰ Русский представитель в Польше, О. Штакельберг энергично отстаивал интересы русских иезуитов перед папским нунцием в Варшаве.

После соответствующего нажима со стороны Потемкина, Сестренцевич стал действовать более решительно и 30 июня 1779 г. опубликовал свое распоряжение об открытии новициата, «несмотря на неудовольствие св. Отца»¹¹. Иезуиты могли праздновать победу. 2 февраля 1780 г., в торжественной обстановке, был открыт новициат в Полоцке. Количество молодых людей, воспитывавшихся там, сначала доходило до 18, потом возросло до 30.

Для лучшей организации своего ордена белорусские иезуиты считали необходимым оформление управления орденом, придание ему и с внешней стороны того вида, какой требуется орденскими конституциями. Прежде во главе ордена стоял генерал его. О восстановлении этого звания и стали хлопотать белорусские иезуиты. Естественно было ожидать, что препятствия могут встретиться со стороны Сестренцевича. Нужно было каким-то образом заинтересовать последнего. Пущен был слух о возведении в генералы ордена самого Сестренцевича, но потом решено было применить другой прием. Иезуиты обратились к русскому правительству с просьбой о возведении Сестренцевича в звание архиепископа белорусского. В качестве помощника (коадъютора) ему был рекомендован иезуит Бениславский.

Правительство Екатерины охотно пошло на возведение Сестренцевича в звание архиепископа, так как это делало бы его более самостоятельным и авторитетным в его епархии. В конце января 1782 г. Потемкин вручил (в Кременчуге) Сестренцевичу указ императрицы о назначении его белорусским архиепископом, а Бениславского — его коадъютором. Но требовалась на то и другое санкция папы. Несколько позднее, 31 июля 1782 г., (праздник Игнатия Лойолы) прибывший в Полоцк Чернышев объявил иезуитам о согласии императрицы на избрание генерального викария (но не генерала; впрочем, суть дела не меняется). Благословение на избрание генерального викария должен был дать Сестренцевич. У иезуитов уже имелся кандидат на этот пост, в лице известного нам Черневича. Сестренцевич дал благословение на избрание генерального викария, но устранил при этом кандидатуру Черневича. Иезуиты взяли верх и на этот раз, при помощи Потемкина. Был избран генеральным викарием именно Черневич. Но чтобы успокоить Сестренцевича, русское правительство обещало ему поддержать в Риме дело о возведении его в звание архиепископа. Для урегулирования этого вопроса в Рим был отправлен в качестве посла Бениславский. Предварительно он имел аудиенцию у Екатерины, которая, отпуская его, будто бы сказала: «Помните, что я поручила вам важнейшее дело для моего государства»...

Папа согласился утвердить Сестренцевича архиепископом, согласился взвести в коадъюторы Бениславского, но категорически отказался сделать что-либо для иезуитов, считая их существующими незаконно, вопреки бреве Климента XIV. Для вручения Сестренцевичу архиепископского палиума и посвящения в епископы Бениславского был назначен папою папской нунций в Варшаве Аркетти. Зная нерасположенность Аркетти к ордену, иезуиты были встревожены прибытием Аркетти в Россию. Аркетти уже по дороге в Петербург, в Орше и Витебске, сурохо укорял местных иезуитов за противление папской воле и указывал на то, что орден существует незаконно. Вследствие выступления Аркетти, из ордена ушел ряд лиц. Чтобы ослабить впечатление от речей Аркетти, Бениславский пустил в ход выдуманную им басню, будто бы

¹¹ Морошкин, цит. соч., т. I, стр. 141—142. Переписка по делу об открытии в Белоруссии иезуитского новициата, ярко обрисовывающая борьбу ордена с еп. Сестренцевичем и благожелательное отношение к иезуитам представителей русского правительства, опубликовано в «Сборнике Русского исторического общества», т. I, СПБ, 1885, стр. 421—539.

папа Пий VI словесно, во время аудиенции его, утвердил существование ордена, трижды произнося фразу: «арробо социетатем, degentem in Russia». Свою басню Бениславский подтвердил присягой, несмотря на опровержение ее Аркетти. Когда последний прибыл в Петербург, то Потемкин и Безбородко предупредили его, чтобы во время аудиенции у императрицы он не делал никаких предложений относительно иезуитского ордена. Предупрежденный, обнадеженный кардинальским званием и награжденный щедрыми подарками, нунций стал послушным и уступчивым. Все прошло благополучно для иезуитов.

Чем можно объяснить такую, слишком бросающуюся в глаза поддержку иезуитов со стороны русского правительства? Даже такие столь осторожные авторы, как М. Морошкин, готовы были допускать, что русское правительство имело виды использовать орден как просветительное средство в Крыму и на Кубани¹². Предположение это мало вероятно, так как полным доверием иезуиты все же не пользовались. Версия о подобного рода расчетах русского правительства исходит от самих иезуитов и вряд ли заслуживает полного доверия. По другому предположению, русское правительство намерено было использовать иезуитов для политических целей в Китае в расчете парализовать влияние Англии в Китае, где уже имелись и до этого иезуиты. Таким образом, иезуиты из России должны были войти в контакт с иезуитами, действовавшими в Китае, и выполнить соответствующие задания русского правительства. Действительно, нам известен один случай, когда генерал иезуитского ордена доставил (в 1792 г.) русскому правительству весьма обстоятельные сведения о Китае и английских действиях там. Но, как увидим ниже, это был первый и последний опыт использования иезуитов в области международных отношений¹³.

Если присмотреться к политике русского правительства в отношении иезуитов поближе, то нетрудно видеть, что поддержка иезуитов выражалась, большей частью, в защите ордена от нападений на него со стороны римского двора. Основная цель Екатерины, как мы уже отмечали, заключалась в том, чтобы подчинить католическую церковь в России своему влиянию. Для этого она властно вмешивалась в дела белорусской католической церкви, иногда открыто игнорируя официальную главу этой церкви. С другой стороны, сглаживая отношения и конфликт между архиепископом и орденом, Екатерина вовсе не предпринимала решительных мер к радикальному прекращению этих конфликтов, оставаясь в положении *tertius gaudens*. Обе враждующие стороны ослабляли друг друга и вынуждались искать защиты у императрицы.

В лице иезуитского ордена правительство Екатерины могло видеть средство борьбы с проникавшими с Запада (особенно из Франции) революционными влияниями. Недаром в России искали приюта бежавшие из Франции не только светские, но и духовные лица. К концу царствования Екатерины иезуиты достигли прочности своего положения и внешнего благополучия. Орден располагал 6 коллегиями, 10 резиденциями (или миссиями) и двумя новициатами. Во главе ордена стоял генеральный викарий. Сначала им был Черневич, а после его смерти (1784 г.) — Гавриил Лениевич. Количество членов ордена (без новициев) достигало 200 человек. Во владении ордена находились деревни, леса, луга, рыбные угодья, мельницы и т. д., а в городах — дома, ремесленные и промышленные предприятия. В подчинении ордену было 14.000 душ крестьян, освобожденных от подушной подати и несения казенных повинностей.

Нас интересует вопрос, вели ли иезуиты и вообще католическое

¹² Морошкин, цит. сочинение, стр. 219—220.

¹³ Там же, стр. 225—227.

духовенство пропаганду среди окрестного населения и, в частности, среди православных. На этот вопрос должно ответить положительно. Такая пропаганда велась, причем среди не только протестантов, но и православных. Но в отношении последних иезуиты действовали очень осторожно, тонко и неуловимо. Среди молодежи такая незримая, на первый взгляд, пропаганда велась в школах, из которых выходили православные молодые люди с отличными знаниями основ католического вероисповедания и совершенно невежественные в области своей православной веры. Иезуиты занимались и частным преподаванием в богатых домах не только общеобразовательных предметов, но и иностранных языков. И в этих случаях они не забывали бросить в сердца своих питомцев семена католической веры.

Но могло ли русское правительство видеть в лице иезуитов настоящих своих верноподданных? Казалось бы, да. Но, в действительности, дело обстояло по-иному. Громко взывая о своей преданности новому правительству, быв себя в грудь, иезуиты, в действительности, тянули в сторону Польши. Как известно, иезуиты принимали участие в деле самозванки Таракановой и в других движениях в Польше, направленных против России.

Особенно усердно обрабатывали иезуиты униатов. Орудием их в этом отношении являлся базилианский орден, организованный по образу и подобию иезуитского. Высшие места в униатской церкви, особенно архиерейские кафедры, занимались представителями знатных польских и ополячившихся фамилий, очень часто католического вероисповедания. Правительство Екатерины стремилось повернуть униатскую церковь к первоначальному ее положению, но это наталкивалось на скрытое сопротивление униатских иерархов. В то время, когда православные иерархи, например, Георгий Конисский, Виктор Садковский возвращали униатские приходы в православие, иезуиты, в свою очередь, униатские приходы перегодили в католичество. К сожалению, в некоторых случаях иезуитская пропаганда встречала поддержку со стороны русских вельмож. Известному Захару Чернышеву почему-то вздумалось в пожалованном ему Екатериной имении Чечерское основать резиденцию для трех иезуитов. Больше того, эту резиденцию он проектировал превратить в коллегию и хорошо обеспечил ее материально. Незадолго до своей смерти Чернышев в другом своем имении построил католический костел. Это обстоятельство, действительно непонятное с точки зрения общего направления политики русского правительства в Белоруссии в конце XVIII ст., дает основание некоторым историкам думать, что Чернышев «едва ли не был первою жертвою тайного совращения в латинство»¹⁴.

III

В 1795 г. католическая церковь в России увеличилась в связи со вторым и третьим разделами Польши. Екатерина учредила три новые католические епархии: Инфлянтскую, Пинскую и Летичевскую. Епископы этих епархий пользовались у себя всеми теми правами, какие имел архиепископ Сестренцевич. Никакой другой власти вне империи они не должны были подчиняться.

6 ноября 1796 г. Екатерина II скончалась. На престол вступил ее сын Павел. В исторической науке дореволюционного времени часто можно встретить противопоставление царствования Павла предшествующему и последующему. Это не совсем правильно. Хотя Павел ликвидировал многое из созданного его матерью, но общее направление его внешней и внутренней политике осталось прежним. В частности, в от-

¹⁴ Морошкин, цит. соч., т. I, стр. 218.

ношении к католической церкви мы не заметили разницы между екатерининским и павловским временем.

Павел был врагом просветительных идей XVIII ст. и боялся французской революции. Иезуиты постарались использовать это настроение Павла, при всяком удобном случае развивая мысль, что католическая религия — лучшее орудие против революции¹⁵. Павел, еще будучи наследником престола, побывал в Риме и познакомился с папой Пием VI. Был дружен Павел и с архиепископом Сестренцевичем, которому он, уже будучи императором, усвоил (в 1798 г.) сан митрополита и пожаловал орден Андрея Первозванного. Охлаждение к православному Петербургскому и Новгородскому митрополиту Гавриилу и размолвка с митрополитом Платоном еще более сближали Павла со Сестренцевичем. К этому времени уже для всех была вполне ясна линия поведения Сестренцевича. Правоверный католик, истинный подданный России, он не был сторонником самовластия папы в католической церкви в России. В Риме подозревали, что Сестренцевич ведет дело вообще к отделению русской католической церкви от Рима и поспешили предотвратить это. Из Рима прибыл в Россию папский нунций кардинал Литта, тайный иезуит. Вскоре же после своего приезда Литта стал вспушать Павлу мысль о неблагонадежности Сестренцевича. Павел насторожился. Но одно случайное обстоятельство рассеяло подозрения Павла. В 1797 г. в Белоруссии произошло восстание, и среди активных участников его замешаны были три ксендза. Разгневанный Павел приказал снять с них сан. Но папский нунций затруднился сделать это. Когда Павел обратился за этим к Сестренцевичу, тот без всяких прекословий выполнил волю императора, чем снова приобрел расположение его. В 1797 г. при Юстиц-коллегии был учрежден особый департамент для дел католического духовенства. В следующем году этот департамент отделен был от коллегии и подчинен был архиепископу (Сестренцевичу), который, таким образом, становился главою католической церкви в России.

Большое оживление в отношения между Павлом и папским престолом внесло дело Мальтийского ордена. Остров Мальта имел стратегическое значение. Еще при Екатерине велись переговоры с гроссмейстером ордена о совместной борьбе с Турцией. В результате этих переговоров корабли мальтийских рыцарей действовали в контакте с русским флотом в Архипелаге. Когда императором стал Павел, рыцари-мальтийцы поднесли ему титул «покровителя» ордена. Но небольшая (семь человек) группа этого ордена 12 июня 1798 г. передала остров Наполеону. Естественно, Павел должен был заступиться за орден. Особенно это становилось неизбежным после того, как 27 октября 1798 г., находившиеся в Петербурге члены мальтийского ордена избрали Павла великим магистром, а папа дал согласие на это избрание. Защита интересов мальтийского ордена от посягательств на Мальту Наполеона была одною из причин войны с Наполеоном в 1798—1800 гг.

Павел вскоре же проявил свою деятельность и в роли магистра: а) он учредил в России приорство; б) проживавшие в Петербурге мальтийцы получили для своего капитула дом по Садовой ул.; в) для погребения членов мальтийского ордена при одной из церквей (св. Иоанна Предтечи на Каменноостровском проспекте) было отведено специальное кладбище. Количество членов ордена росло не по дням, а по часам. Звание рыцаря мальтийского ордена жаловалось, в виде особой награды, даже православным митрополитам и архиереям, и, наоборот, лишение этого звания являлось показателем опалы. На мальтийский орден Павел

¹⁵ Морошкин, цит. сочинение, т. I, стр. 275; ср. Д. Толстой, Римский католицизм в России, т. II, стр. 99—102, 135—140.

смотрел, как на могучее орудие против революционных движений. Литта и его сотрудники поддерживали в Павле эту уверенность. Но взоры Рима простирались дальше Мальты. В Риме снова воскресли прежние мечты о соединении Церквей, и снова начались закулисные действия в этом направлении¹⁶. Под видом мальтийцев Россию наводнили иезуиты.

Иезуиты не могли отрешиться от своих традиций и начали совращение православных в католичество. Жертв для себя иезуиты подбирали преимущественно среди русской знати. Скоро, впрочем, произошел конфликт между Павлом и нунцием из-за замещения Каменец-подольской епископской кафедры. Павел предоставил эту кафедру Сераковскому, занимавшему ее раньше, а нунций настаивал на замещении ее Дембовским. Павел усмотрел в этом нарушение своих прав. Папскому нунцию запрещено было являться ко дворцу, а затем последовало распоряжение в 24 часа выехать из пределов России.

Удаление Литты привело смущение среди иезуитов, так как в перспективе им рисовалось усиление власти Сестренцевича и более реальное подчинение монашеских орденов митрополиту. Полоцкие иезуиты решили действовать. Преподаватель механики и архитектуры в Полоцком иезуитском колледже иезуит Гавриил Грубер направился в Петербург. Грубер — ярко выраженный тип иезуита, сочетавший в своем лице все свойства и качества, требуемые от члена общества Игнатия Лойолы. Для достижения целей ордена, под лозунгом *ad majorem Dei gloriam* он применял все методы, рассуждая, что цель оправдывает средства. Прибывши в Петербург, он занялся делами, не имеющими, казалось бы, прямого отношения к вере и нравственности. Грубер связался с Академией Наук, где демонстрировал некоторые изобретения полоцких иезуитов: ножницы для стрижки тонкого сукна, разные насосы и образцы скульптурных изображений, которые должны были представлять шедевр иезуитского творчества. Грубер даже выступал с докладом в Академии Наук на темы, ничего общего с религией не имеющие. Он установил контакт с поляком графом Ильинским, человеком близким к двору Павла. В результате этого были возвращены из Сибири высланные туда при Екатерине 11.000 поляков.

Блестяще выполнил Грубер свою цель — втереться ко двору Павла. Для этого были пущены в ход все средства: от лечения жены Павла от зубной боли до изготовления по особому рецепту шоколада, приведшегося по вкусу Павлу. Пустив в ход всевозможные средства, Грубер стал входить ко двору. Вскоре к его религиозным функциям присоединилась еще одна: Грубер стал агентом Наполеона при русском дворе. Внешние политические события, связанные с походом Суворова, вероломное поведение Австрии и Англии вызвали разрыв Павла с Австрией и Англией и, наоборот, русско-французский договор.

В лице Сестренцевича Грубер видел наиболее опасного врага для ордена. Поэтому, упрочив свое положение при дворе Павла, он немедленно перешел в наступление против ненавистного митрополита. За походом дело не стало. В календаре на 1800 год, вышедшем из Полоцкой иезуитской типографии, появилась хвалебная статья об английском флоте. Это противоречило правительствуенному распоряжению не касаться в печати Англии и, в особенности, ее успехов. Павел приказал скануть календарь, а епископ Бениславский, которому принадлежал надзор над печатными изданиями ордена иезуитов, был отрешен от долж-

¹⁶ Морозкин, цит. сочинение, т. I, СПБ, 1863 г., стр. 324; ср. небольшую статью П. Пирлинга: «Секретнейшая» депеша русского посланника («Исторические статьи и заметки», СПБ, 1913 г. стр. 182—186).

ности. В судьбе Бениславского, по мысли иезуитов, видную роль сыграл Сестренцевич, против которого иезуиты направили все свое оружие. Обстоятельства благоприятствовали им. 29 августа 1799 г. умер папа Пий VI; папою был избран Пий VII. По некоторым данным, на это избрание оказал влияние и Павел, который вовсе не намерен был совершенно отделять католическую церковь в России от папы, но только стремился сохранить за собою внешнее влияние на нее. По своему характеру Пий VII был человеком нерешительным, непостоянным в своих действиях, короче говоря, «тростью, ветром колеблемою». В делах католической церкви в России Пий VII находился под влиянием кардинала Литты, высланного из России и озлобленного против Сестренцевича. Настроить папу против последнего для Литты труда не составило. Грубер стал вооружать Павла против Сестренцевича, характеризуя его, как человека опасного, стремящегося захватить в свои руки власть над многочисленным католическим населением в России, чтобы в дальнейшем использовать это влияние и в политическом отношении. Заметив успех своей интриги, Грубер повел дело еще решительнее. Ему нужно было захватить в руки ордена церковь св. Екатерины в Петербурге. В качестве официальных мотивов для этого Грубер и его соратники указывали на то, что петербургское католическое духовенство не пользуется авторитетом и не может бороться с проникающим с Запада неверием и революционными идеями. Грубер, поэтому, советует поместить в Петербурге иезуитов, как испытанных борцов с вольномыслием.

18 октября 1800 г. Екатерининский костел в Петербурге был передан в распоряжение иезуитов. Митрополит Сестренцевич был отстранен от всяких переговоров по этому вопросу и должен был освободить свою квартиру для Грубера. Вслед за этим он был уволен в отставку и получил предписание немедленно выехать в Белоруссию, в свое поместье Буйничи (в 6 км. от Могилева). Могилевский губернатор Северин получил задание следить за поведением опального митрополита и регулярно через каждые две недели информировать о своих наблюдениях генерал-прокурора Обольянинова. Несколько позднее Сестренцевич был переведен в Маметич (в 80 км. от Могилева). Радости иезуитов не было пределов. Они торжествовали победу. Грубер подобрал к церкви Екатерины соответствующий состав духовенства. Иезуиты организовали торжественные службы, пышные церемонии, проповеди, составленные по всем правилам иезуитского красноречия. При церкви была устроена школа для обучения молодежи и библиотека.

В департаменте римско-католических дел все руководящие посты были заняты или иезуитами, или их друзьями. Монашеские католические ордена только名义ально стали подчиняться власти епископа. Домогательства иезуитов пошли еще дальше. 11 августа 1800 г. Павел обращается к папе с ходатайством о формальном восстановлении в России ордена иезуитов. Папа был очень смущен этой просьбой. С одной стороны, он не хотел расходиться со своими ближайшими предшественниками, ликвидировавшими орден, а с другой,—он понимал, что орден является сильным орудием католической пропаганды. Кроме того, Пий VII своим отказом не желал вооружать против себя русского императора. Папа долго тянул с ответом, но, в конце концов, согласился восстановить орден, «однако только в России и не вне пределов этой империи»¹⁷.

Папское бреве не застало в живых Павла.

Правительство Александра I, осторожно и осмотрительно, относившееся к мероприятиям Павла, не решилось опубликовать папское бреве. Между тем за время царствования Павла количество членов ордена

¹⁷ Морошкин, цит. соч., стр. 463—468.

увеличилось с 200 до 244. Нельзя забывать, что эта цифра означала только явных иезуитов, но тайные члены ордена не регистрировались. Как мы уже отмечали, был открыт иезуитский коллегиум в Петербурге. Запроектирован был ряд миссий в разных местах империи. Снова воскрешены были сданные в архив проекты соединения Церквей. Иезуитам удалось завербовать себе сторонников во многих аристократических домах: Голицыных, Васильчиковых, Шуваловых, Протасовых и некоторых других. Приверженцами иезуитов в первую очередь становились жены и дочери знатных лиц, а они, в свою очередь, влияли на мужскую половину.

Дворцовый переворот, последовавший в ночь с 11 по 12 марта, для иезуитского ордена был полною неожиданностью. Как это ни странно, но всеведущий орден на этот раз не проник в тайны русской политики. Большой опасности для ордена не предвиделось от правительства, глава которого в своем манифесте (12 марта) дал торжественное заявление править «по сердцу и душе» Екатерины. Традиции «бабушкина века» и снова появившиеся у власти дельцы этого века смягчали некоторые неприятные для иезуитов моменты начала «дней Александровых». А такие моменты были: во-первых, возвращен был в Петербург Сестренцевич; во-вторых, правительство Александра опубликовало папское бреве только после усиленных стараний ордена и его агентов. При этом строго-настрого было запрещено обращать в католичество лиц православного вероисповедания, а в своих школах иезуиты обязаны были преподавать и русский язык.

Римский двор направлял в Россию в качестве папского нунция Ареццо, но правительство Александра согласилось принять его только как посланника и то лишь на 4 месяца. Кроме того, Ареццо должен был дать обязательство не вмешиваться в дела католической церкви в России. В октябре 1802 г. генералом иезуитского ордена стал Грубер, поселившись не в Полоцке, а в Петербурге. Не довольствуясь коллегией, Грубер открыл в Петербурге пансион для благородной молодежи в специально построенном для этого здании (на Фонтанке). Среди учащихся в этом пансионе мы можем видеть юношей из знатных фамилий: Орловых, Голицыных, Нарышкиных, Гагариных, Меншиковых, Плещеевых, Бенкendorфов, Волконских, Полторацких, Вяземских, Строгановых, Толстых, Одоевских, Рюминых и некоторых других¹⁸. Иезуиты не только обучали, но и воспитывали своих питомцев. Излишне говорить о том, что это воспитание велось в католическом духе. Своих питомцев, в том числе и православных, иезуиты водили в католическую церковь, обязывали прислуживать ксендзам при богослужении, изучать католические молитвы. Католический закон Божий преподавался два раза в неделю опытными и прекрасными преподавателями. Для преподавания православного Закона Божия привлекались далеко не первосортные преподаватели и отводился для него только один час в неделю. Хотя пропаганда католичества была ограничена специальными правительственными указами, но Грубер настойчиво добивался учреждения католических миссий среди мусульман и идолопоклонников на Востоке: в Астраханской, Оренбургской и Сибирских губерниях. Как это ни странно, но находились лица в правительственные кругах, которые готовы были поддерживать домогательства иезуитов. Голос благоразумия, однако, взял вверх, и латинские миссионеры не получили права организовывать свои миссии. Тогда последователи Лойолы решили применить другой прием и стали предлагать свои услуги в качестве агрономов, садовников, врачей и т. д. Не прошло и этого. Отметим и другой факт. При Александре I решено было отправить посольство в Китай. Вспом-

¹⁸ Морошкин, цит. соч., т. II, стр. 127.

или о забытом проекте Безбородко (при Екатерине) использовать силы иезуитов, так как в Китае уже имелись иезуитские миссии, а бреве Климента XIV китайских иезуитов не коснулось. Были выделены для отправки в Китай три иезуита. Но дальше Лиссабона они не доехали. Состояние наших источников не позволяет с достаточностью выяснить причины невыполнения дипломатического задания, возложенного на иезуитов.

В ночь с 25 на 26 марта 1805 г. погиб Грубер. Во время пожара в иезуитском доме он заживо сгорел. Сестренцевич рассчитывал не допускать выборов нового генерала, чтобы подчинить орден непосредственно своей власти. В дело вмешался обер-прокурор Синода Голицын, который в глазах Александра постарался обрисовать Сестренцевича в неблагоприятном свете, а иезуитов представил, как помеху митрополичьим замыслам. В результате этого иезуиты получили право избрать себе главу, и 2 сентября 1805 г. генералом ордена был избран Березовский, поляк по национальности. Новый генерал наметил себе две задачи: 1) организацию иезуитских миссий и 2) изъятие иезуитских школ от контроля правительства. Всеми способами, тайно и явно, иезуиты стремились развить свою пропаганду и на юге России (Феодосия, Одесса и др.) и в Сибири. Министр народного просвещения Разумовский не мог согласиться на передачу иезуитам Виленского университета — бывшей иезуитской академии. Тогда иезуиты пустили в ход другой прием. Они стали добиваться возведения Полоцкой иезуитской коллегии на степень академии, с предоставлением ей прав университетов. Нет надобности приводить докладную записку по этому поводу Березовского, поданную Александру I. Она сплошь наполнена восхвалениями заслуг ордена в деле воспитания и образования молодежи в духе религии и верности правительству. 10 июня 1812 г. Полоцкая иезуитская коллегия была возведена на степень академии и стала состоять из трех факультетов: лингвистического, свободных наук и богословского. Но это было уже последним успехом ордена в России.

В 1815 г. 20 декабря последовал именной указ Сенату о высылке иезуитов из Петербурга и воспрещении им въезда в обе столицы. Мотивы этого приведены в самом указе: иезуиты употребили во зло проявленное к ним доверие правительства и стали увлекать в католичество оставшуюся у них молодежь и женщин; это производило раскол и несогласие среди русского народа, погашало в нем любовь к единоверцам — согражданам и отделяло дух его от духа отечества.

За цитированным указом последовали новые и более решительные мероприятия русского правительства по отношению к иезуитам. В 1820 г. министр Духовных дел и народного просвещения Голицын обратился к императору Александру I с обстоятельным докладом, в котором доказывал необходимость изгнать иезуитов вообще из пределов Российской империи. Мотивами для этого указывается то: 1) что иезуиты в своих школах совращают в католичество русскую православную молодежь; 2) все действия иезуитов направлены к их собственной выгоде, для достижения которой они не брезгают никакими средствами; 3) даже папа Римский (Климент XIV) свидетельствует, что иезуиты с самого начала своего исторического существования стали известными своими интригами, сеяли раздор и даже действовали против правительства тех стран, в которых они обитали. Голицын предлагал выслать иезуитов из пределов империи. Полоцкая Академия и подведомственные ей учебные заведения должны быть упразднены. Отправления богослужения и треб надо поручить белому духовенству или монашествующим других орденов. Иезуитское имущество должно быть передано местным католическим и гражданским властям. Недвижимое имущество и земли с крестьянами передаются в ведение казенных палат. Если кто-либо из членов

ордена пожелает оставить орден, то ему должно быть предоставлено право сделать это, и в таком случае он не будет подлежать высылке. Доклад Голицына получил утверждение Александра 13 марта, а 22 марта I-й департамент римско-католической духовной коллегии постановил разослать по католическим епархиям императорский указ о ликвидации иезуитского ордена в России¹⁹.

Русское правительство прекратило почти полувековую политику симбиоза с иезуитским орденом, убедившись в его подлинном облике.

Подведем некоторые итоги сказанному выше.

В последней четверти XVIII ст. во взаимоотношениях русского правительства и папского престола произошла существенная перемена. Вследствие последовавших в 1773, 1792 и 1795 гг. разделов Польши, в составе Российской империи оказалось значительное количество подданных католиков, составлявших несколько католических епархий и несколько монашеских орденов, среди которых наиболее крупным был орден иезуитов.

Переход белорусских земель под власть России совпал с ликвидацией иезуитского ордена во всех западно-европейских странах.

* * *

Русское правительство по своим политическим соображениям осталось у себя иезуитов вопреки протестам Рима.

Русское правительство стремилось сделать русскую католическую церковь возможно менее зависимой от Рима. Во главе ее был поставлен архиепископ (потом митрополит) Сестренцевич, которому должны были подчиняться и католические монашеские ордена, в том числе и иезуиты. Между последними и Сестренцевичем вспыхнула затяжная борьба, ведшаяся с переменным успехом. Церковную политику Екатерины продолжал и Павел, с тою только разницей, что иезуитам удавалось больше воздействовать на него в своих интересах.

Пользуясь отсутствием бдительности, иезуиты повели энергичную пропаганду, что в конце концов обратило на себя внимание русского правительства. В 1815 г. иезуиты были удалены из обеих столиц, а в 1820 г. иезуитский орден был ликвидирован и в России.

В. Никонов

¹⁹ Морошкин, цит. соч., т. II. Приложения, стр. 515—528.

О ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ

«Мы должны сделать все возможное для того, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения, обратиться к древним его прекрасным образцам, столь любезным сердцу верующего и молящегося православного христианина» (Из речи Святейшего Патриарха Алексия 18 апреля 1948 г.)

После речи Святейшего Патриарха Алексия о церковном пении, произнесенной 18 апреля 1948 года в Московской Духовной Академии, в Патриархию поступило множество устных и письменных просьб дать список одобренных к богослужебному употреблению духовно-музыкальных произведений. Эта просьба не могла быть выполнена уже, прежде всего, потому, что духовно-музыкальных произведений существует бесконечное количество и составлять списки рекомендуемых к исполнению духовно-музыкальных произведений практически бесполезно.

Самый надежный способ определения пригодности музыкальных произведений к богослужебному употреблению — уметь оценивать их с точки зрения церковности. Для этого не требуется специального музыкального образования.

Ровно сто лет тому назад, в 1849 году, Московский Митрополит Филарет, представляя в Свят. Синод свой отзыв о переложении А. Ф. Львовым нотного Ирмология писал: «Теория музыкального искусства мне неизвестна. Но около 60-ти лет тому назад наученный петь по Октоиху, а потом по Обиходу древним иереем, сведущим в церковном песнопении, которого пример наставлял не только выбирать ноты, но и чувствовать дух церковного пения, и с тех пор постоянно знакомый с сим пением, думаю, могу позволить себе некоторое суждение о сем предмете». Далее в этом своем отзыве, а также и другом докладе Святейшему Синоду, от 3 февраля 1850 года за № 78, Митрополит Филарет высказал ряд замечательных суждений о недостатках Ирмология и Октоиха А. Ф. Львова и опроверг учение Львова о несимметричном ритме древних церковных песнопений знаменного роспева. Время доказало справедливость суждений Митрополита Филарета: целые томы Октоиха и Ирмология переложений А. Ф. Львова не вошли в употребление.

Слова и пример Митрополита Филарета доказывают, что каждый церковный человек, и не будучи музыкантом, может правильно судить о достоинствах музыкальных произведений с точки зрения церковности.

Но, чтобы судить правильно, надо критику самому ясно понимать смысл, значение церковного пения в богослужении и задачи богослужебного пения.

Настоящая статья является попыткой наметить основные положения для практических решений по поставленному вопросу.

Представляется естественным взглянуть на церковное пение с точки зрения религиозной психологии.

Христианская жизнь есть стремление к общению с Богом. Средства богообщения: благодатные, исходящие от Бога — таинства, и естественные, исходящие от человека, — молитвы. Молитва есть обращение души человека к Богу. Наша душа имеет три стороны: ум, сердце и воля. Ум — свет, который озаряет путь жизни к Богу. Сердце — теплота души, с которой душа переживает свое земное существование. Воля — это сила, энергия, повинующаяся то уму, то сердцу или же и уму, и сердцу.

Каким путем человек ближе подходит к Богу: рассудочным или путем сердца? Путем сердца, одним умом человек не может многое достичнуть в общении с Богом.

«О глубина премудрости и разума Божия!... Кто бо разуме ум Господень?» восклицает апостол Павел (Римл. 11, 33—34). «Изумевает и премирный ум» пред тайной воплощения Сына Божия от Пресвятой Девы Марии (см. ирмос 9-й песни канона на Богоявление). И если пред одной этой тайной в изумлении преклоняются ангелы, а апостолы — «витии многовещанные» — становятся «яко же рыбы безгласные», то обыкновенные люди — и премудрые, и немудрые, и взрослые, и дети, лишь в чувствах могут достигнуть Богообщения. Примерами тому — фарисей и мытарь, евангельская блудница и Иуда Искариотский, Закхей и апостол Петр. Одно холодное признание ума не приближает людей к Богу: «и беси веруют», но «трепещут» за свою судьбу (Иак. 2, 19); и раскаявшийся Иуда, сознавши умом свое преступление, не приблизился к Богу (Мф. 27, 5).

Истинное Богообщение наступает тогда, когда религиозные истины становятся достоянием сердца, когда возникает сердечная вера, когда сознание своих грехов переходит в чувство сокрушения о своих грехах. Например, если душа не только умом признает догмат воплощения Сына Божия, но и сердцем откликается на любовь Бога, Который так возлюбил мир, что Сына Своего Единородного дал на спасение мира, — она изливается в словах молитв и пения. Если же нет сердечной веры, если сердце молчит, оно и не изливается в молитвах, и нет потребности в пении.

Молитва и пение — одни из главных средств выражения религиозных чувств. Пение есть соединение слов с музыкой голоса. Ум выражает свою работу в простых словах, в формулах, в сухой прозе. Чувства не довольствуются одними лишь словами, для чувств мало простых слов, они требуют возвышенных слов — поэзии. Это прекрасно доказывают православные богослужебные книги. Они состоят из поразительно возвышенных поэтических творений, изъясняющих религиозные истины и положенные на гласы и роспевы. Творцами песнопений были св. Иоанн Дамаскин, преп. Косма Матумский, Роман Сладкопевец, Андрей Критский, Ефрем Сирин и другие святые люди, которые принимали религиозные истины не только умом, но и переживали их сердцем.

Каждое православное богослужение есть почти сплошь пение молитв, к чему призывал св. апостол Павел: «Будем непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» (Евр. 13, 15). Еще яснее сказал апостол Павел в послании к Ефесянам: «Поступайте как чада света..., назидая самих себя псалмами и славословиями, и песнопениями духовными» (гл. 5, ст. ст. 8, 19).

Св. Иоанн Дамаскин в своем ирмосе на Богоявление призывает: «Радуйся и разширь уста, Слову плетуще от словес сладкопения, имже к нам наслаждаются дарований» (ирмос 3-й песни 2-го канона на Богоявление), т. е. возрадуемся, раскроем уста, чтобы Богу — Слову сплетать из слов сладкопение: то, что Ему приятно из наших даров. Раньше Иоанна Дамаскина эту мысль выразил чрезвычайно ярко св. Григорий Богослов: «Я приношу в дар слово, — говорит св. отец, —

слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею, особенно же когда воспеваю Слово за благодеяния к словесному существу».

Итак, религиозная жизнь есть по преимуществу жизнь чувств, которые находят выражение в молитвах и песнопениях. Церковное богослужебное пение есть язык, с которым человек приходит к Богу, есть дар, угодный Богу, выражение души, благоговеющей перед Богом и утреннююющей перед лицом Его. «К Тебе утреннюю милосердия ради...», пел св. Косма Маиумский, то есть с раннего утра пою Тебе, Боже ради Твоего милосердия ко мне (ирмос 5-й песни канона на Великий Пяток). «Заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой..» (Пс. 5, 4) — молитвенно взвывал пророк Давид.

Далее, значение богослужебного пения с точки зрения религиозной психологии заключается в том, что это пение есть средство общения членов Церкви друг с другом.

Церковь — Тело Христово. Церковь — одушевленный организм, живое существо, владеющее и живой речью, общим языком и общим голосом. «Составляя одно тело, мы, — говорит Тertуллиан, — сходимся вместе в собрание, чтобы приступить к Богу с молитвами сообща» (Апологетик, глава 39).

Ничто так не способствует осуществлению задачи объединения всех, как пение, которое, по выражению св. Климента Александрийского (Стромата), «создает общий голос».

Пение роднит людей, сплачивает их вокруг общего дела или общей идеи. И это всегда учитывалось творцами движений, организаторами и исторически доказано. Одно зрелище безмолвной толпы, как бы она ни была велика, не вспеляет в нашу душу мысли об ее единодушии. Напротив, общее пение этого множества делает толпу одушевленным и единым существом.

Наконец, богослужебное пение есть средство наставления истинам, выраженным в словах песней. «Когда мы поем песни из Минеи и Триоди, мы поем то же, что в Писании, только другими словами ибо все сии книги: Триоди, Минеи и проч. содержат правое и истинное богоопознание» (Послание Восточных Патриархов Кафолической Церкви. Вопрос 3).

Так же смотрел и св. Василий Великий: «Святый Дух знал, что трудно вести род человеческий к добродетели, что по склонности к удовольствиям мы нерадим о правом пути. Что же Он соделывает? К учениям примешивает приятность сладкопения (мелодию), чтобы вместе с уладительными песнопениями для слуха принимали мы незаметным образом то, что есть полезного в слове».

Блаженный Иероним учит: «Да внемлют те, коих долг есть петь в церкви, что Богу петь должно не гласом, но сердцем, — да не слышаны будут в церкви театральные песни, — но должно петь в страхе, в отщении, в ведении Писаний. Пусть так поет раб Христов, чтобы не глас поющего приятен был, но слова, произносимые при пении». (Филарет, Архиепископ Черниговский «Исторический обзор песнопений Православной Церкви», стр. 105—125).

Блаженный Августин говорит в «Исповеди»: «Когда со мною случается, что меня трогает больше пение, нежели то, что поется, то я признаюсь, что тяжко согрешаю, и тогда желал бы я не слышать поющего» (Творения, Киев, 1880 г., ч. I, кн. 10, стр. 305—306).

Приведенные свидетельства говорят о взгляде св. отцов и учителей Церкви на значение пения, как средства Богоопознания, а не эстетического наслаждения.

Итак, церковное пение есть: 1) выражение религиозной жизни человека, 2) средство общения живых членов церкви и 3) средство научения истинам веры.

Из сказанного следует определенный вывод: в церкви петь должен каждый верующий, пение должно быть общим.

История говорит, что пение с самого начала христианской Церкви было общим. В апостольский период не было хоров, а пели все. «Егда сходится,—говорит апостол, кийждо вас псалом имать» (I Кор. 14, 26).

Иудейский писатель Филон, живший в первом веке по Рождестве Христовом, так описывает исполнение народом церковного пения: «Христиане во время бдения, все встав, разделялись на два лика посреди храмины: мужи с мужами, жены с женами и на общих лицах был свой искусный запеватель; потом они пели Богу песни, состоящие из разных стихов, то поодиночке, то попеременно, с приличными припевами. Наконец, оба лика соединялись в один общий лик, или хор, подражая древнему примеру на берегу Чермного моря» (Филарет, Архиеп. Черниговский. «Исторический обзор песнопений Православной Церкви»).

Св. Иоанн Златоуст в Беседе 36-й на первое послание ап. Павла к Коринфянам пишет: «В древности (то-есть в первые три века по Р. Х.) все сходились и пели вместе; это мы делаем и ныне».

В древности пение при богослужении всеми молящимися было столь распространенным явлением, что св. Василий Великий, в одной Беседе, отмечая эстетический момент общего пения, сравнивает мощное общее пение с волнами, набегающими на берег в час прилива: «Если прекрасно море во время прибоя,— пишет св. отец,— то не гораздо ли прекраснее собрание такой церкви, в которой, подобно волне, ударяющей о берег, совокупный глас мужей и жен и детей воссылается к Богу в наших к Нему молитвах?» (Беседы, изд. 1845 г. Беседа 4, стр. 77). В самом деле, если пение есть выражение души верующего человека и дар, угодный Богу, если всякое дыхание и вся вселенная призываются хвалить Творца (Пс. 150, 6), то тем более в пении церковном должен лично участвовать всякий христианин.

Затем, если пение есть средство общения верующих, то следует использовать это средство во всей полноте для объединения всех молящихся. Слушать пение и запомнить его — одно дело, но уметь самому петь с другими — другое, два различных акта, различных и по своему значению. Слушая, можно оставаться чуждым пению, можно относиться к нему свысока, критически, оставаться с самим собой, лишь со своими впечатлениями и мнениями, так сказать, замыкаться в себя. Напротив, вступая в общее пение, поющий приобщается к братии, идет с ней одним путем, заботится о согласии, гармонии, единении.

Наконец, нет никакого сомнения в том, что пение вводит поющего в великую своеобразную школу для научения истинам веры, всему тому прекрасному, что заложено в церковных песнопениях, что проходит мимо слуха слушателей, пока они не станут лично поющими. Церковь — школа и в ее песнопениях показана глубина и изобилие премудрости Божией.

Что все эти мысли о живом участии в пении всех молящихся в церкви не есть плод фантазии или неправильных умозаключений, свидетельствует авторитетное замечание законоположительной церковной богослужебной книги Типикона, или Церковного Устава, в верности которому епископы перед хиротонией всенародно дают клятвенное обещание, а священники — пред посвящением — присягу.

Вот это указание: «Когда диакон возглашает: «Рцем вси...», — этот глагол не иное что дает понять, как то, чтобы всем вкупе молиться, не клиру единому, но и всем, обретающимся в церкви. Во Святей Восточной Церкви не иначе творится, как и пишется. Где написано: «людие глаголют», то все вкупе, сколько их есть в церкви, глаголют: или «Господи, помилуй», или «Подай, Господи», или «И со духом твоим», или «Отче наш»... А если у нас так не творится, то надлежит творить.

Если бы к одному клиру обращались эти слова и ему одному указывалось бы отвечать на них, то не написали бы: «людие глаголют». Все это говорится к тому, чтобы мы познали, что все мы одно тело и различаемся друг от друга только как отдельные члены» (Типикон, изд. 1877, стр. 419, Начало Четыредесятницы).

Приведенное выразительное наставление Типикона, отличаясь полной ясностью и определенностью своего содержания, дает, между прочим, надежное методическое указание пользоваться уставными замечаниями, рассеянными в богослужебных книгах: в Октоихе, Триоди, Минеях. «В Восточной церкви то или иное не иначе творится, как и пишется, — говорит Типикон. — А если не творится, то надлежит творить».

Бооружившись этим указанием, можно извлечь из Типикона много ценных данных о смысле и значении церковного пения и о характере его исполнения.

Основной закон, положенный Типиконом для церковного пения, заключается в подчинении его канону осмогласия.

Церковные напевы канонизованы, то есть введены в определенные рамки 8-ми гласов.

Глас есть система мелодических попевок. Каждая гласовая мелодия есть цепь периодически повторяющихся музыкальных строк. Строки гласового напева отличаются необыкновенной мелодической яркостью, позволяющей лично запомнить как их, так и повторяющийся период их.

Подведение церковных песнопений под законы осмогласия имеет огромное значение, ибо: 1) дает возможность каждому певцу без помощи композитора распевать все великое множество богослужебных песнопений; 2) избавляет слух от бесконечной пестроты напевов, которая создалась бы вне осмогласного канона; 3) создает основу для прочной певческой традиции и, 4) что всего важнее, — дает возможность всем, знающим мелодические строки гласа, объединяться в пении любого песнопения, вести общее пение.

Что церковный Устав имеет в виду участие всей церкви в пении, об этом свидетельствует также установление чина пения с канонархом и с головщиком.

Схема гласовой мелодии может быть удержана в слуховой памяти всяkim человеком, не лишенным музыкального слуха и внимания, но текст всех стихир и тропарей, даже воскресных, запомнить невозможно. Канонарх тут и приходит на помощь поющим. На доминирующей ноте гласового напева он монотонирует, т. е. однозвучно поет строку за строкой текста, а поющие повторяют слышанную строку, но уже в мелодии. Значение канонарха очень велико: он заменяет поющим память и книгу, но в то же время вносит раздельность в исполнение напева, отмечает своим голосом моменты вступления поющих и дает возможность всем молящимся петь вместе.

Такое же важное значение имеет и головщик (запеватель), обязанности которого могут совмещаться с обязанностями канонарха.

Психологически известно и понятно, что для поющих, будут то солисты или хористы, всего труднее начать пение, ибо для этого необходимо иметь ясное умственное слуховое представление об известном сочетании музыкальных звуков. Головщик громко, во всеуслышание, берет на себя первую фразу, или запев, песнопения и, выпевая ее, сразу выводит в поле сознания поющих весь дальнейший напев песнопения, и они смело его воспринимают и продолжают. Чем больше число поющих, тем нужнее головщик: при общем пении без него обойтись трудно.

Церковный Устав придает большое значение пению по чину ипакой и по чину антифона.

На богослужебном языке слово ипакой означает припевание, при-

пев, — такое пение, которому предшествует пение, исполняемое певцом или многими певцами.

В «Постановлениях апостольских» (2, 57) читаем: «Один кто-нибудь пусть поет песни Давида, а народ пусть припевает заключение стихов».

Св. Афанасий Великий (Бегство, 2, 67) пишет: «Я (т. е. Афанасий), сев на своем престоле, велел диакону читать псалом: «Исповедайтесь Господеви», а народу подпевать (ипакуин): «яко в век милость его».

Св. Василий Великий в письме своем к неокесарийским клирикам, описываяочные моления, утвердившиеся в его время во всех церквях Божиих, сообщает: «Востав по молитвах начинают псалмопение. И иногда, разделившись на две части, поют попеременно одни за другими... Потом опять предоставив одному певцу начинать пение, прочие подпевают (ипакууси)».

Св. Иоанн Златоуст в Беседе на псалом 3-й говорит: «Возьмем псалтирь Давидов и займемся тем припевом (ипакой), который все мы подпевали сегодня: «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже».

В Русской Церкви сохранились ипакой в пении концов Троичных песней, в пении заключительных слов акафистов. По чину ипакой можно петь три призыва псалма 103-го на великой вечерне: «Благословен еси, Господи», «Дивна дела Твоя, Господи», и «Слава Ти, Господи, Сотворившем вся». Так же мог бы исполняться псалом «Блажен муж...», с припевом «аллилуия» после каждого стиха, псалом «Хвалите имя Господне...» киевским роспевом, с припевами — сначала кратким: «аллилуия», а потом полным: «Яко в век милость Его».

Антифонное пение состоит в том, что песнопение или псалом делится на равномерные стихи, или строки, которые иются поочередно двумя лицами или двумя сторонами поющих. Такются на всенощной стихиры, а на Литургии: «Благослови, душа моя, Господа...», Блаженна, прокимен, Верую и проч.

Антифонное пение, ипакой, пение под канонархом, пение с головщиком — все это явно рассчитано на большие массы поющих и, несомненно, вызвано обычаем и желанием верующих принять участие в богослужебном пении.

Кроме Типикона, об общем пении говорится в Кормчей (один из источников русского церковного права), изд. 1816 г., в толковании Вальсамоном 17-го правила Лаодикийского собора: «Отцы определили, что псалмы в собраниях не должны быть возглашаемы непрерывно, но среди них должны быть и чтения, чтобы народ отдыхал и опять пел».

В Большом Требнике, в чине св. крещения, об общем пении говорит: «Поющим всем трижды: «Елицы во Христа крестистеся...».

Приведенные выше соображения не оставляют сомнения в том, что общее пение за богослужением вытекает из самого существа богослужения и из самого понятия о Церкви, как Теле Христовом, что оно не есть какое-то новшество, что-то искусственное, случайное, временное или только терпимое, или мыслимое в идеале, но неосуществимое в жизни. Напротив, все исторические данные говорят, что оно было всегда в христианской древности, и все предписания церковного Устава подтверждают, что оно осуществимо.

В итоге всех этих рассуждений можно сделать определенный вывод: живое и непосредственное участие каждого верующего в храмовом пении не только допустимо, но и желательно, и обязательно.

Перейдем теперь к вопросу о положении церковного хора и церковных певцов. Какое назначение хора в церкви, его задачи? Является ли церковный хор естественным и жизненным явлением, желательным и обязательным, как и общее пение, или же хор есть что-то чуждое церкви и нежелательное?

Церковный хор — не что-то побочное, но, напротив, очень важное в церковной жизни; не есть случайное, а постоянное: хор — не внешний пришлый храма вроде орнамента на колоннах или росписи на стенах, а один из устоев в церковной жизни. Хор поистине принадлежит к жизненным первам церковности и заслуживает самого внимательного к себе отношения.

Истинное значение хора состоит в том, что он является передовым вождем поющей массы, учителем ее, руководителем ее, так сказать, коллективным канонархом и коллективным головщиком. Хор не должен отвлекать народ от богослужения своей музыкой, но должен привлекать молящихся к Богу текстом священных песнопений, исполненных разумно и сладкогласно.

Каждый верующий, присутствующий в храме за службами, должен не только молча молиться, но и петь вместе со всеми. Однако пению надо учиться, ибо сразу не запоешь. Как младенцы научаются говорить материнским языком через слух, слыша слова матери, так и в церкви: чада церкви должны учиться церковному пению через слух, слушая хор.

Хор от лица Матери-Церкви должен стать учителем верующих, как надо петь молитвы. Хор — это избранные певцы из верующих, ядро, центр, от которого исходят уставные песнопения, хор — это живой образец, живой пример, как требуется петь в церкви. Исполняя песнопения, положенные по чину богослужений, хор должен петь так, чтобы стоявшие в храме, наслышавшись, могли усвоить песнопение и так же запеть.

Это назначение хора определяет выбор напевов и гармонизаций, допустимую меру художественных приемов хорового пения, характер пения хора и даже психологию и поведение регента и каждого певца. Хор — не бездушный орган. Каждый певец — активный участник богослужения. Поднимаясь на клирос, певец должен сознавать, что он пришел служить Богу своим голосом. Серьезность задачи должна предотвратить хор от увлечения музыкальными эффектами, которые почти всегда затмняют, а иногда даже вовсе искажают значение текста. Главное внимание певцов должно быть приковано к тексту и к службе в целом.

В церковном пении можно и со слабыми голосами произвести сильное впечатление.

Задачи хора тесно связывают регента хора с настоятелем храма.

Настоятель, как руководитель церковной жизни прихода, должен считать одним из своих важных дел религиозное воспитание прихода через пение хора и поэтому не может не следить за правильным направлением пения хора.

Регент, понимающий истинный смысл своего звания и призыва, должен действовать в полном единодушии со священником.

Эти задачи, конечно, не ведут к обеднению богослужебного пения, к сужению и оправлению его.

Православные богослужения, как уже указано выше, почти сплошь состоят из пения. Седничные и воскресные службы поются поочередно на восемь гласов, т. е. на восемь разных напевов, но каждый из 8-ми гласов имеет свои различные напевы для стихир, тропарей, антифонов, прокимнов, канонов, светильных.

В году 12 двунадесятых праздников. Службы на двунадесятые праздники тоже имеют свои особые роспевы. Все стихиры на эти праздники или «самогласны», или поются «на подобны». На эти праздники положены и особые каноны, светильны, тропари, кондаки и проч.

Службы Постной и Цветной Триоди охватывают период почти в три месяца и полны неповторяющимися в другие периоды особенностями песнопений, бесподобных по своей красоте. Церковный Устав с величай-

щей тщательностью определил на все службы глас каждого песнопения, и не только глас его, но и роспев, и способ исполнения.

В предупреждение нарушений Устав дает следующее указание: «Количество пения несть лепо презирати ниже великому законоположителю» (Типикон. Изд. 1877 г., стр. 416).

Пропеть правильно по Уставу и благозвучно все стихиры, тропари, антифоны, кондаки, прокимны, ирмосы, експостиларии — главное дело хора. Задача эта нелегкая... Надо соблюсти все исторические средства и приемы, выработанные Уставом и освященные многовековой древностью для назидания верующих: пение с канонархом, с головщиком, антифонное, ипофонное пение, ипакой, катавасия, подобны, самогласны... Регент хора должен изучить Устав, богослужебные книги, Обиходы церковного пения, знать в совершенстве типы знаменного и киевских роспевов.

Русская Православная Церковь владеет родным, неисчислимым, музыкальным певческим богатством. В наших древних крюковых рукописях роспеты все службы на воскресные, двунадесятые праздники, на Великий пост, Страстную седмицу, Пасху и период Пятидесятницы. В 1772 г. древние крюковые рукописи, по благословению Св. Синода, были переведены на квадратные церковные ноты. Возникли нотные Обиходы, но все они изложены в мелодии только для одного голоса, предназначены для унисонного пения. Эти Обиходы являются основными нотными книгами русского православного храмового пения, составляют его фундамент.

В настоящее время существуют многочисленные переложения обиходных мелодий на четыре голоса в Церковно-певческих Сборниках издания Св. Синода, в Обиходах Певческой капеллы под редакцией А. Ф. Львова, Н. И. Бахметева. Имеются переложения отдельных композиторов: А. А. Архангельского, Е. С. Азеева, А. Д. Кастаньского, Г. Ф. Львовского, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, Д. М. Яичкова, В. А. Фатеева и многих, многих других. Кроме того, существует большое количество безыменных переложений. Сюда относятся нотные четырехголосные Обиходы монастырей, Херувимские: Симоновская, Софроньевская и др.

Чем руководиться в выборе переложений?

Уже указанными принципами: пение должно объединять верующих и служить к их назиданию. Это находит для себя основание в Священном Писании.

Св. апостол Павел в первом Послании к Коринфянам пишет: «Ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию Церкви... Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть... истолкование, — все сие да будет к назиданию» (I, гл. 14, ст. ст. 12, 26).

Некоторые коринфские христиане любили говорить на собраниях на иностранных языках. Их апостол Павел не одобряет: «Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке (Там же, ст. ст. 17—19).

Применяя принцип назидательности к многочисленным и разнообразным переложениям, следует для богослужебных целей преимущественно пользоваться переложениями в самом простом, ясном русском стиле, где мелодия не повреждена и звучит ясно, гармонизация — самая легкая и естественная.

Русский народ за три почти века существования у нас партесного, т. е. четырехголосного, пения так сильно привык к гармоническому сложению, что сопровождающая мелодию партия возникает в слухе и на

устах поющих само собой, инстинктивно и бессознательно со стороны поющего. Гармонизация мелодии терциями в другом голосе, с легким аккомпанементом на главных ступенях у баса, вполне удовлетворяет современного русского певца и даже радует его. Доказательством служит жизненность написанных по такому способу переложений прот. П. Турчанинова. Примерами любимой всеми простой, чистой и ясной гармонизации церковных роспевов в русском стиле, кроме произведений прот. П. Турчанинова, являются переложения Д. С. Бортнянского, «Достойно есть» М. Балакирева киевского роспева, переложения Г. Ф. Львовского, литийные стихиры, стихиры Пасхи, «Достойно есть...» и целый ряд произведений Д. М. Яичкова и многие другие.

Что можно иметь против сложной гармонизации древних роспевов?

Она препятствует проникновению древних роспевов в массы и затрудняет их усвоение. Очень часто сложная гармонизация требует большого состава певцов и недоступна небольшим хорам. Нередко такая гармонизация в искусственном строгом стиле делает мелодию знаменного роспева как бы нарочно скучной и сухой. Часто сложная гармонизация по принципам западно-европейской оркестровой или органной католической музыки совсем заслоняет мелодию или украшает ее несответствующими музыкальными приемами и эффектами. О роскошном гармоническом одеянии, особенно в западном стиле, знаменных мелодий — забота лишняя. Эти мелодии так хороши, что в украшениях не нуждаются. Главная забота — довести их до слуха молящихся, сохранить мелодии в чистом виде.

Для иллюстрации интересно привести отзыв Московского Митрополита Филарета об известной композиции А. Ф. Львова на кондак: «Взбранной Воеводе» и на стихири «Постящиеся, братие, телесне...» — «Нотное положение кондака «Взбранной Воеводе», — пишет Митрополит Филарет, — имеет достоинство, но не церковное. Внезапные в ходе напева то ускорения, то возвышения и усиления звуков производят такое впечатление, как бы хотели удивить слушателя искусством, а не сообщить ему чувство, свойственное церковному песнопению. Прослушав стихири музыки Львова: «Постящиеся, братие, телесне» и затем велев пропеть сию стихири обыкновенным церковным напевом, мы удивились, для чего напев правильный, удобный к исполнению, соответственный тексту и времени, хотя заменить произвольною игрою звуков, в которой, может быть, найдут пищу знатоки искусства, но которая не может дать при благочестивому чувству» (Доклад Св. Синоду от 16 мая 1854 г. № 26).

Что касается оригинальных музыкальных сочинений (не переложений), которых у нас великое множество, то не следует ограничивать пригодность таких произведений к богослужению кругом определенных авторов и направлений.

Благоразумное правило церковной икономии (приспособляемости для пользы дела) не позволяет подойти к решению этого вопроса с голой теорией. Нельзя объявить, что только унисон и знаменный роспев есть идеал, и начать петь все унисоном и знаменным роспевом. Это была бы такая же ошибка, как объявить идеалом произведения Рахманинова. Идеал напева — в его объединяющей силе. Напев тем сильнее, чем он доступнее массе, чем большее число поющих и припевающих он способен привлечь.

Нельзя поэтому ставить вопрос так, что такого-то композитора можно петь, а такого-то нет. Были у нас гениальные композиторы, и нет сомнений, что они не переведутся и в будущем. Надо рассматривать каждое произведение независимо от имени автора, отдельно. Даже у самых известных церковных композиторов, какими были Д. С. Бортнянский и А. Ф. Львов, можно указать произведения, различные в отношении их

пригодности к богослужебному употреблению. Неодинаково, конечно, церковно-богослужебное значение концертов Бортнянского на итальянский лад и его же переложения знаменного роспева: «Помощник и Покровитель...», «Приидите, ублажим Иосифа...»

Неодинаково значение нотных стихир А. Ф. Львова в духе протестантских хоралов и его же «Хвалите имя Господне...» на полиелес или «Милость мира...» на Литургии св. Василия Великого, проникнутых истинным церковным вдохновением.

Иногда можно не замечать некоторых недостатков переложений ради пользы произведений в других отношениях. Например, Обиход Бахметева имеет недостатки в ритме, мелодии и гармонизации гласовых роспевов. Все же можно рекомендовать пользоваться его гласовыми роспевами за богослужением в тех местностях, где они прочно привились и где древние, лучшие, роспевы гласов незнакомы, т. к., наряду с указанными недостатками стиля, те же произведения Бахметева имеют много других достоинств.

Но в некоторых случаях, особенно по отношению к новым сочинениям, следует, в случае их непригодности к богослужебному употреблению, быть непримиримыми и бороться против допущения их на клирос, несмотря даже на высокую талантливость авторов. Можно верить в искренность религиозных чувств композиторов и добрых намерений, когда они писали свои сочинения для храма, можно находить крупные музыкальные достоинства в их сочинениях, но тем не менее необходимо признавать их неуместными к употреблению в церкви, приравнивать их к тем говорящим на незнакомых языках, которых осуждал ап. Павел: «Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается» (I Кор. 14, 17), и решительно отказывать им в исполнении при богослужении. Они хороши в музыкальном отношении, но храм — не место для развлечений и эстетических наслаждений. «Применение в церковном пении искусства музыки, — поучает Московский Митрополит Филарет, — должно иметь свои границы, переходя которые музыка увлекает церковное песнопение в чисто музыкальную область» (Московск. Митрополит Филарет. «Собрание мнений и отзывов». Том IV, стр. 402).

Меркой для оценки таких произведений, помимо оценки по слуховому восприятию, должно служить их отношение к предписаниям церковного Устава и к нашим национальным роспевам — кievскому ициальному.

Знаменный роспев ведет свое начало от принятия нашими предками христианства. Церковные напевы были принесены к нам болгарами и греками с IX века. Свв. Кирилл и Мефодий жили спустя лишь 50 лет после смерти творца канона осмогласия — св. Иоанна Дамаскина († 776). Напевы осмогласия св. Иоанна Дамаскина, несомненно, были приняты ими и переданы нам в неповрежденном виде. Так утверждают все авторитетные исследователи древнего русского пения: прот. Д. В. Рazuловский, прот. И. Рознесенский, прот. М. Лисицын, Г. Ф. Львовский и др. Глубокая древность, восходящая к временам до св. Иоанна Дамаскина, сообщает особый церковный авторитет нашему церковному роспеву.

Принятые церковные роспевы были не механически усвоены русским народом. Одаренный большими музыкальными способностями, он церковные напевы, принесенные из греческой и болгарской Церквей, переработал в духе национальном. У каждого народа есть свои национальные излюбленные мелодии и свое техническое построение их. Сохраняя основные черты принятых роспевов, русский народ развил, дополнил их своими родными звуками, обогатил их, усовершенствовал и составил на основе их великое множество церковных песнопений. Что русское церковное пение и народное бытовое пение имеют много сходного в построении

нии мелодии, это всякому исследователю видно сразу, хотя бы по одним и тем же общим приемам построения: смена голосов, чередование двух поющих сторон, запевание интересной мелодии одним голосом, присоединение к ней подголосков и потом продолжение ее всем хором.

Эти приемы церковного и народного бытового пения как нельзя лучше подошли к требованиям церковного Устава о пении с канонархом, с головщиком, пении ипакой, антифонном пении.

Знаменный роспев не только во всем соответствует предписаниям церковного Устава, но во многом объясняет, дополняет и развивает его. Например, только из знаменного роспева мы знаем, как следует исполнять псалом 103-й на великой вечерне и как петь кафизмы на воскресной утрени. Музыкальный талант всего русского народа удивительно искусно соединил мелодию знаменного роспева с текстом. Мелодические строки этого роспева обычно совпадают с текстовыми, и мелодия всегда подчиняется тексту. В текстах исторически повествовательных, например, в стихирах, ирмосах, мелодия приближается к речитативу; в песнопениях покаянного характера, например, «На реках Бавилонских»..., мелодия движется на низких нотах в объеме трех-четырех звуков; там, где выражается величие и восторг души, например, в стихирах Пасхи, мелодия стремится вверх и требует ускоренного движения.

Знаменный роспев никогда не стремится преобладать над текстом, напротив, он стремится быть фоном, средством к усиленнию мысли текста. Это — важнейшая отличительная черта знаменного роспева. Примерами могут служить всем известные напевы: «Се жених грядет в полуночи...», «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...», «Да молчит всякая плоть человечка...». В этих песнопениях мелодия целиком устремлена на текст, сама же отходит на задний план, приковывая мысль и сердца слушателей только к тексту.

Вообще знаменные мелодии по простоте, серьезности, строгости, правдивости чувства, отсутствию пустого сентиментализма, по соответствуанию с церковным Уставом отвечают всем требованиям, предъявляемым церковному пению. Знаменное пение будит мысль и зажигает сердце огнем веры.

Знаменный роспев преимущественно развивался на Севере России и сохранил через все века свою чистоту и строгость. Другая большая ветвь нашего национального церковного роспева — киевский роспев, под влиянием длительной борьбы Киевской Руси за веру и национальность, ослабил свою прежнюю чистоту и строгость, не сохранил в полном объеме того богатства мелодий, какое имеется в знаменном роспеве, но приобрел задушевный, лирический характер.

Православные верующие в нашей стране всегда любили и ценили знаменный и киевский роспевы. Во все века от начала христианства на Руси и до наших дней церковные напевы стихир, тропарей, ирмосов, великопостные, на Страстной седмице и пасхальные песнопения воспитывали в наших предках уважение и любовь к Церкви и передавались из рода в род, несмотря на все бури и натиски. Вот почему церковность новых сочинений надо проверять церковным и национальным роспевом.

В течение последних трех веков русские верующие люди с большим успехом вели борьбу за свои древние роспевы с иноземными и иноверными влияниями.

В XVII веке на русское церковное пение нахлынули сильные волны католическо-польского влияния, в XVIII в.— католическо-итальянского, в XIX веке (в первой половине) — немецко-протестантского, а затем (во второй половине) — оперной католической музыки.

Верующие русские люди, крепко связанные русской душой с звуками церковных древних песнопений, всегда отличали церковное направление

в пении от нецерковного и противились последнему. Чем дальше шла борьба, тем успешнее было это противодействие.

Большое значение в охранении русских церковных начал в пении имел в XIX веке Митрополит Московский Филарет, который почти на протяжении 50 лет вел борьбу за сохранение древнего церковного пения. В Петербурге движение борьбы за национальный характер в богослужебном пении начал М. И. Глинка, а продолжал М. Балакирев.

С конца XIX века и до настоящего времени идет знаменательное движение против всего наносного и чуждого в церковном пении. Н. А. Римский-Корсаков, Г. Ф. Львовский, С. В. Смоленский, А. Д. Кастальский, а за ними многие другие внуки и показали удивительные красоты наших древних напевов и повели решительную борьбу против всех иноземных и иноверных влияний в области церковного пения. В результате общих усилий церковное пение из года в год делается по своему содержанию лучшим и более национальным. Этот процесс идет под влиянием все более проясняющегося сознания о значении национальности в искусстве...

Есть еще попытки со стороны некоторых руководителей церковного пения — певческих гурманов, — услаждающихся так называемым художественно-концертным пением, покровительствующих ему денежными ресурсами и др. путями и в конце концов навязывающими ему, может быть, несознательно, все несимпатичные атрибуты католического пения. Они отрицают принцип национальности в церковном пении, выдвигают принцип о нейтральности искусства, являются в своей сфере, так сказать, проводниками безродного космополитизма. Но несомненно, что развитие искусства не может происходить в отрыве от родного, национального искусства. Долг каждого православного деятеля вложить долю своего труда в борьбу за охранение чистоты русского национального церковного пения.

Вредное влияние католического стиля пения на православное проявляется в том, что музыка в католическом пении занимает главное положение, а текст — служебное. Органная музыка в католических храмах завладевает душой молящегося, чрезмерно возбуждает чувствительность, дает широкий простор неопределенным мечтам, то грусти, то радости, то тревоге. Она воспринимается субъективно, вводит слушателей в состояние музыкального гипноза. Но для богослужения важно, чтобы пение объединяло молящихся, будило в них одни и те же мысли и чувства и чтобы чувства всех обращались на одну определенную религиозную мысль. Если этого нет, пение в церкви теряет смысл.

В наших храмах пение должно быть не католическим, а православным. Как нельзя в православные храмы вносить католические престолы, совершать службы в католических облачениях, пользоваться сосудами католического образца, так нельзя вводить и католическое пение.

Русский народ создал великолепные храмы, украсил их изумительной иконописью, художественной утварью, облачением, и он же создал свое православное, церковное пение.

Древние храмы, утварь, облачение, иконопись являются нашей национальной гордостью и находятся под охраной государства. Такой же национальной гордостью являются коренные вековые знаменный и киевский роспевы. Обязанность бережно охранять их лежит на всех православно верующих. Нельзя выбрасывать за борт свое древнее священное пение, как устарелое и теперь ненужное. В нем отразилось все, что дано русскому народу христианством, что прошло через мысль и сердца многих поколений русских людей, что легло одним из краеугольных камней в наше богослужение. Знаменный и киевский роспевы созданы возвышенными мыслями и чувствами наших предков; звуки этих роспевов и теперь возвышают нашу душу. Они — не умирающие роспевы, а

вечно живущие с народом, они — источники воды живой для музыкального церковного вдохновения.

Все, сказанное здесь, лишь намеки на то дело великой важности и сложности, которое указано Святым Патриархом Алексием в его речи 18 апреля 1948 года, в целях поставить пение в церкви на должную высоту и историческую основу.

Но, имея широкие программы и замыслы, следует дело начинать с немногого и проникнуться взглядом, что:

1) церковное собрание молящихся за богослужением нельзя разделять на слушающую публику и услаждающий ее нанятый хор, создающий «молитвенное» настроение;

2) пение в церкви наших должно быть не только молитвенным, но и объединяющим и назидающим всех;

3) оно должно быть строго церковным в отношении исполнения предписаний церковного Устава;

4) пение в храмах должно быть национальным, стоящим на основе родных начал в нашем вдохновенном церковном пении.

Л. Парицкий

ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка:	Напечатано:	Следует:
5	12 снизу	крещеный	крещеный
5	15 снизу	благославляемый	благословляемый
11	4—5 снизу	телграммы	телеграммы
26	3—4 сверху	предображение	предображение
39	20 снизу	Суффраган	суффраган
44	1—2 сверху	существовакие	существование
46	3—4 сверху	французкой	французской

Журнал Московской Патриархии № 11

Цена 10 руб.